

Правда фейри опаснее лжи,
а любовь — страшнее
равнодушия.

КОГДА ЗАВТРА НАСТАНЕТ ВНОВЬ

Евгения Сафонова

Евгения Сафонова
Когда завтра настанет вновь
Серия «Охотники за мирами»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66391094
Когда завтра настанет вновь: Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-158800-7

Аннотация

В мире, где магия давно стала обыденностью и идёт рука об руку с технологиями, юная студентка-магичка Элайза Форбиден узнаёт, что она уже сутки как должна быть мертва.

Девушка бежит из дома, чтобы найти серийного убийцу и скрыться от безликой твари, следующей за ней по пятам. Но Элайза не одна. Её спутники – двенадцатилетний брат, баньши-журналистка, самопровозглашённый рыцарь и таинственный фейри, который слишком часто появляется в нужное время в нужном месте. Смогут ли они бросить вызов самой Владычице Предопределённости и изменить судьбу, предписанную последней леди рода Форбиден?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

168

Евгения Сергеевна Сафонова Когда завтра настанет вновь

Спасибо Алисе Огневой за то, что в новой редакции эта книжка стала лучше и грустнее. Также адресую свою скромную и дерзкую благодарность маэстро Суэнвику, который помог мне увидеть Харлер в моих снах.

With humble and daring gratitude to maestro Swanwick, who helped me to saw Tharlear in my dreams.

© Сафонова Е.С., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

– А правда, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами?

– Да, это правда, – ответил Смерть. – Этот процесс называется жизнь.

Терри Пратчетт, «Пятый элфант»

А ты знаешь, что только раз в жизни выпадает

влюблённым день, когда всё им удаётся?

Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»

У меня осталось совсем немного времени до того, как я исчезну из этого мира.

Впрочем, после всего, что мне пришлось пережить, это не столь высокая цена за то, чтобы у этой мрачной истории вышел вполне себе счастливый конец. Не сказать, что мне легко уходить, однако у меня была возможность смириться.

Я сижу, чувствуя под ладонями колкий тёплый песок; за спиной шепчется лес, белое солнце, клонясь к горизонту, наливается старым золотом, и прохлада озёрных волн ласкает мои босые ноги.

Я жду, глядя на воду, вспоминая все события, приведшие меня туда, где я оказалась теперь.

В такие минуты частенько вспоминаешь, с чего всё началось. Как там говорят – жизнь проносится перед глазами?..

Я могла бы начать эту историю с момента, как попадаю под колёса. Или с того, как один фейри впервые увидел мою мать в пригородном лесу – со встречи, что в итоге привела к моему рождению. С разговора, в котором меня известили, что для мироздания я уже сутки как мертва; со стражников или фейри, которые пытаются меня прикончить; с тёмного бога, улыбающегося в трикветре, нарисованном мной на сухой земле; с минуты, когда мятные глаза Питера впервые встретились с моими, когда мы оба ещё не подозревали, кем вскоре станем друг для друга.

И всё же для меня началась она в день, когда нам с братом

сказали, что спустя день мы должны покинуть родной дом.

Тогда никто из нас не думал, что нам придётся искать убийцу по прозвищу Ликорис. Как и о том, что вся наша жизнь скоро превратится в прятки и догонялки.

И о том, что убежать от нашего врага всё равно невозможно.

* * *

Я ковырялась в саду, пропалывая кабачки, когда услышала голос Эша:

– Лайз, тебя мама зовёт.

Брат смотрел на меня с деревянной веранды нашего дома – маленького коттеджа в один этаж из серого кирпича, к стене которого пристройкой лепился гараж, обшитый сайдингом, старательно маскирующимся под камень. Поднявшись с колен, я стянула перепачканные землёй тряпичные перчатки; шагнув на выложенную плиткой садовую дорожку, утёрла потный лоб тыльной стороной ладони – летний день жарил солнцем, как печка. Стряхнула с джинсов пыль, а с потрёпанных кед – вырванный с корнем побег лебеды, зацепившийся за шнурки.

Тогда я ещё не знала, как скоро буду скучать по тихим привычным будням, по провинциальной рутине, по возне в саду и этому дому, увитому хмелем и диким виноградом. И сказала лишь:

– Окей, как раз хотела передохнуть.

Брат следил, как я иду мимо крыжовенных кустов, льдинками синих глаз, блестящих и тёмных, как отражение зимнего неба в глубоком колодце. Должно быть, достались от отца из тилвитов¹, как и золотые кудри... Отца, которого я не помню, а Эш даже не видел.

Иногда я мечтала вернуться в прошлое и сделать так, чтобы мама никогда не ходила в лес, где встретила его. Не потому что не хотела рождаться – потому что верила, что наши с братом души нашли бы пристанище в телах маминых детей, даже если бы она родила их от другого мужчины. Того, кто не бросил бы её.

Дом встретил прохладой каменных стен и дощатого пола. Скинув кеды в прихожей, я сунула ноги в шерстяные тапочки-носки: мы носили их даже в летнюю жару, потому что пол никогда не прогревался. Я была этому только рада – когда мы жили в мегаполисе, лишь кондиционер помогал мне пережить лето, но кондиционер не заменит свежего ветра. И даже настёжь распахнув все окна, ты не сделал бы воздух в маленькой квартирке менее густым и жарким.

Здесь, вдали от огней больших городов, всегда было чем дышать.

Мама лежала в спальне: тонкие руки вытянуты поверх одеяла, каштановые волосы разметались по подушке, сизые

¹ В валлийском фольклоре тилвит теги – златовласые феири, дружелюбные к людям (*Здесь и далее прим. авт.*).

глаза лихорадочно поблёскивают из-под ресниц. Она слегла сегодня утром, но недавно ушедший лекарь заверил нас, что это обычное переутомление.

– Лайз, – слабо улыбнулась мама, когда я присела на краешек кровати. – Есть разговор.

Я покорно сложила руки на коленях, совестясь за то, что не успела их помыть.

– Слушай внимательно, – мама всё ещё улыбалась, отчего в уголках её рта вырисовались морщинки. – Во вторник утром вы с Эшем возьмёте мобиль и уедете отсюда. В Фарге.

Ещё прежде, чем я осознала всё безумие подобной затеи, перед моими глазами мысленно развернулись карты, которые мы изучали на географии.

– Фарге? Но... туда же через полстраны ехать!

– Вы поедете в Фарге, – непреклонно произнесла мама. Улыбка исчезла с её губ так же, как утром с этих губ исчезли краски жизни. – Остановитесь там в доме бабушки.

И бабушка, и дед – скромные представители славного аристократического рода Форбиден – умерли ещё до моего рождения. Я знала только, что у них был дом в Фарге, небольшом приморском городке на южном побережье. Мы с мамой жили там, пока отец не бросил её; потом уехали в мегаполис, и дом, в котором прошли первые годы моего детства, с тех пор стоял заброшенным.

– Ты уже не помнишь, но найти его несложно. Он в южных кварталах, почти у моря. Яблонная улица, дом тринадцать, –

продолжила мама. — Ключ я дам.

— Но зачем? Мам, если ты не забыла, у меня завтра практика начинается, — в моём голосе прорезалось раздражение. — А вторник уже послезавтра, и даже если бы это не было послезавтра, я до середины августа не могу никуда...

— Лайз, вам грозит опасность. Нам всем грозит. Вы не можете оставаться здесь.

Я осеклась, ощутив, как губы сами собой растягиваются в глупой улыбке.

Моя дурацкая особенность — улыбаться, когда на деле мне совсем не смешно.

— Опасность? Что за опасность?

— Не спрашивай. Я не могу сказать. Но вы должны бежать отсюда. Если уедете, будете в безопасности. — Мама протянула руку, коснувшись моей ладони кончиками пальцев. — Просто пообещай сделать всё, что я скажу.

Лихорадочные мысли кружились в голове листьями на ветру.

...это же какая-то шутка. Просто глупая шутка, верно? Мы ведь самые обычные люди. Ну хорошо, мы с Эшем — самые обычные фейри-полукровки, но таковых пруд пруди. Мой брат — обычный школьник, я — обычная студентка-магичка, мама — обычный маг-артефактор. У нас с Эшем даже в школе среди одноклассников не было врагов: во всяком случае, таких врагов, что готовы были бы на настоящие подлости.

Не говоря уже о том, чтобы где-то обзавестись действительно серьёзным недругом.

– А ты? Если эти люди... или кто они... угрожают всем нам...

– Я не могу поехать с вами. Я останусь здесь.

– Но...

– Лайз, я правда хотела бы всё рассказать. Но не могу. – Мама настойчиво сжала мои пальцы своими. – Обещаешь, что поедешь? Без вопросов?

Тогда я решила, что мама умудрилась сделать какой-то опасный артефакт для какого-то опасного человека. Пусть это и совершенно не в её характере. Но то было единственное объяснение, которое я смогла найти. И поскольку я всегда была послушной дочерью, я выдохнула:

– Обещаю.

Её глаза посветлели от облегчения.

– У вас два дня на сборы. – Лицо мамы было измученным: резкие чёрточки морщин отчётливо пересекли лоб, переносицу, кожу в уголках глаз и губ. – Поедете послезавтра, как рассветёт.

– Мам, ты обращалась к страже? Если кто-то тебе угрожает...

– Нет. Мы не можем. Ты не можешь. И ты должна молчать, слышишь? Ни слова – ни Гвен, ни учителям, никому. Никто не должен знать, что происходит.

– Почему?

– Не спрашивай. Просто езжай. Ты обещала, помнишь?

Я долго сидела, глядя на неё, пытаюсь справиться с желанием закричать.

Встала – и, наклонившись, коротко поцеловала маму в щеку.

– Хорошо, – мой голос был таким же, как её кожа, сухая и холодная. – Эшу сама скажешь?

– Уже сказала. Перед тем, как позвать тебя.

Сказала? И после этого брат обратился ко мне таким обычным тоном, с обычным отстранённым лицом?.. Хотя да, чему я удивляюсь.

Это же Эш.

– Прости, Лайз. Так нужно.

Я кивнула, прежде чем развернуться на пятках, не чувствуя пола под мягкими подошвами.

Я не помнила, как вернулась на веранду: только что перед глазами была дверь в мамину комнату, и вдруг – уже залитый солнцем сад. Села на деревянный табурет, рядом с круглым столом, за которым мы всегда ели с первых тёплых весенних деньков до первых осенних холодов.

Уставилась перед собой.

Вот ты живёшь обычной счастливой жизнью, ходишь в школу, поступаешь в колледж, помогаешь маме выращивать кабачки по примеру Пуаро... а потом раз – и погожим летним днём, ничем не отличающимся от прочих, тебе объявляют, что всё это позади. Что ты должна бросить всё, к чему

привыкла и с чем сроднилась, и срываться не пойми куда, убегая от неведомой опасности.

Из-за чего? Из-за кого?..

– Что думаешь? – Лицо Эша заслонило собой зелёное пятно сада, когда брат опустился на табурет напротив.

Эш, мой маленький братик... Я называла его маленьким, потому что была на пять лет старше, но уже тогда понимала – непостижимым образом в свои двенадцать Эш взрослее и меня, и мамы. Внутренний возраст и делал его глаза такими странными: взгляд старика при детском кукольном личике.

– Всё из-за её работы, да? – не дождавшись ответа, продолжил Эш негромко.

– Не знаю.

– И это странное переутомление тоже неспроста?

– Я не знаю, Эш. Не знаю. Но мы должны уехать.

– Хочешь сказать, мы просто послушаемся?

– Она взяла с меня обещание. С тебя, я так понимаю, тоже.

– Только вот мы уедем, а она останется здесь. Разбираться с тем, что нам угрожает, кем или чем бы это ни было. В одиночку.

Эш казался спокойным. Как всегда. Брат редко проявлял эмоции, особенно те, в которых он видел признак слабости: я могла по пальцам пересчитать случаи, когда замечала его плачущим.

– Мы всё равно ничем ей не поможем, Эш. Если мама на этом настаивает, значит, так нужно, – я старалась говорить

твёрдо, но голос срывался в беспомощное бормотание. – Может, всё образуется. Может, на полпути к Фарге нас догонит звонок на графон, мой или твой, и мама велит нам возвращаться, и мы развернёмся и поедem домой.

– Может...

Эш опустил взгляд. Застыл, сцепив лежащие на коленях ладони в замок, с точёным лицом мраморной статуи.

Не обманываясь мнимым бесстрашием брата, я встала, чтобы обнять его.

– Всё будет хорошо, Эш, – сказала я, когда златокудрый висок и бледная щека прижались к принту на моей футболке. – Обязательно.

И когда тот обнял меня в ответ, тоненькими руками обхватив мои ноги над коленками, почти сама верила в собственные слова.

Почти.

Когда-то

Буковый лес шелестит листьями под дождём. Деревья высокой аркой раскидывают ветви, чья зелень на несколько тонов светлее мха, поросшего на толстых узловатых стволах. Там, где землю не скрывает ковёр из широких листьев майника и маленьких сердечек кислицы, бусинами синее черника и дикие лютики желтеют россыпью крохотных солнц, обрамляя тропинку, по которой идёт девушка, оглашая лес-

ные своды песней.

Низкий голос с бархатистыми нотками эхом разбивается в каплях дождя, ласкает слух и согревает сердце. С ним неважна сама песня, неважен мотив или слова – одного звучания достаточно, чтобы зачарованно слушать всё, что бы ни было спето. Но девушка не рассчитывает на слушателей: она поёт для себя, не в полный голос, рассеянно глядя под ноги, и думает совсем о другом.

Впрочем, слушатели у неё всё же есть.

Светловолосый юноша выскальзывает из-за ствола бука прямо перед певуньей спустя пару мгновений после того, как затихает отзвук финальной ноты. Он движется легко, как тень, до сего момента сливавшаяся с гладкой серой корой, и когда девушка отшатывается в испуге, он улыбается:

– Это было прекрасно, Вэрэни.

В этой улыбке – трепет и спокойствие, озорство и мудрость, весёлость мальчишки, лишь недавно утратившего интерес к игрушкам, и усталое лукавство старика, повидавшего весь мир. В его голосе – зов и музыка, чары и путы, ласковый шёпот огня, греющего тебя студёной зимней ночью, и прохлада ручья, что утолит жажду в летний зной. Лицом он кажется не старше той, что застыла напротив, – вчерашней школьницы, едва ли встретившей восемнадцатую весну, – но сказать, сколько ему лет на самом деле – всё равно что с лёту ответить на вопрос, сколько воды в океане.

Девушка запускает руку в карман и отступает на шаг, на-

стороженная, как лань, заметившая хищника, готовая в любой момент сорваться с места и бежать:

– Стой, где стоишь!

– Не бойтесь, Вэрани. – Лютики льнут к его босым ногам – он непостижимым образом прошёл к тропинке по покрову из черники и цветов, не раздавив ни единой ягоды, не прижав ни одного стебля. – Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору. Я не причиню вам вреда.

Глаза девушки ширятся – они сизые, как тучи, виднеющиеся в просветах меж листвой, которую дождь обсыпал мокрым прозрачным бисером.

– Ты... сид? С Эмайн Аблаха?²

Коул кивает; в его исполнении простой жест кажется изысканнее куртуазного поклона.

– И что же ты делаешь здесь? – Подозрительности его собеседницы новое знание не умеряет. – На экскурсию выбрался?

– Захотел посмотреть, как живут люди и наши низшие братья. А что делаете здесь вы? Одна, за городом, в дождливый день?

– Я... просто... прихожу сюда время от времени. – Девуш-

² *Сид*, или *сидхе*, – в мифологии ирландских кельтов «Люди Холма», общее название для обитателей потустороннего мира, вход в который, по многим преданиям, располагался под холмами. Эмайн Аблах – «Яблочный остров», кельтское название Авалона: мифического острова из кельтских легенд, куда, по преданию, был увезён легендарный король Артур для исцеления после последней своей битвы.

ка, будто смутившись, заправляет за ухо прядь каштановых волос. – Говорят, здесь есть прореха, через которую можно случайно попасть на Эмайн. К вам.

– В чём-то они правы. Но случайно туда никак не попадёшь. – Коул тихонько смеётся; смех этот почти зримо сыпается в воздухе серебристыми бликами, танцующими с ливнем отзвуками затихающих арфовых струн. – А вы не боитесь? Что замечтаетесь и забредёте в Дивную Страну?

– Я учусь на мага, так что знаю о прорехах побольше некоторых. А даже если б не знала, в жизни бы не поверила, что сиды могут кого-то *случайно* к себе пропустить. Иначе люди или какие-нибудь глейстиги вам бы житья не дали, шастая туда-сюда.

– И зачем же вы выбрались в пустынный лес, к прорехе, ведущей к нам?

– Подумать. Побывать одной. – Девушка резко отворачивается. – И вообще, не твоё дело.

– Чем же я не угодил вам? Ах да, как там писал один ваш поэт... *«На тех, кто блуждает в долинах и в горах, волшебный народец наводит лютый страх»*³ – с губ Коула не сходит улыбка. – Я бы на вашем месте, Вэрани, не верил тем, кому так и не довелось своими глазами узреть ни нас, ни наш мир.

Она оглядывается через плечо – во взгляде сквозит удивлённое любопытство:

³ Из стихотворения Уильяма Аллингхэма «Фейри», перевод Ольги Нуар.

– Ты знаешь наши стихи?

– Вы ведь любите книги, пришедшие к вам из дальних стран. Нам вдвойне забавно читать, что о нас пишут здесь. – С насмешливым поклоном Коул протягивает ей руку, тонкую и бледную, как лебяжье перо: – *О дитя, иди скорей в край озёр и камышей за прекрасным фейри вслед – ибо в мире столько горя, что другой дороги нет*⁴.

В девичьем лице нет ни намёка на симпатию. Даже интерес угадывается лишь в том, что она, явно приготовившись уйти, всё ещё стоит вполоборота, пока лиственный полог над их головами роняет вниз дождевой жемчуг, тающий в её волосах.

– Йейтс, к слову, узрел. И вас, и Эмайн, – сообщает девушка. – Знаешь, что он о вас писал? *«Я верю, что природа исполнена невидимых нам существ. Иные из них уродливы, иные способны вызвать страх, они бывают злыми и глупыми...»*

– *«...но есть среди них и прекрасные, настолько, что мы и представить себе их красоты не в состоянии. Ещё я верю, что когда мы бродим, не спеша, в местах красивых и тихих, вот эти как раз, самые из них прекрасные, от нас не遠далеке»*, – заканчивает Коул, тростинкой распрямляя гибкий стан. – Я читал «Кельтские сумерки», Вэрани. И неплохо их помню. – Сид заглядывает в глаза напротив, где меж тёмных

⁴ Из стихотворения Уильяма Йейтса «Украденное дитя», перевод Григория Кружкова со вставкой автора.

ресниц плещется сизый холод. – На мой взгляд, это место достойно того, чтобы зваться красивым и тихим. А вам как кажется?

Девушка только фыркает.

– Знаешь, Коул из рода Дри... я видела немало полукровок, родившихся от таких, как ты, и таких, как я. Сначала вы влюбляетесь в смертных дев, так непохожих на ваших дам. Потом очаровываете их, заставляя влюбиться в ответ. А потом вам наскучивает их убогий мирок, и вы возвращаетесь на свой Эмайн, оставляя девам на память тоску, разбитое сердце и пару голодных златокудых детишек. – Она одаривает пришельца презрительным взглядом, прежде чем наконец направиться прочь. – Последнее, чего я хочу – пополнить этот список. Удачной экскурсии.

Коул не делает ничего, чтобы её остановить. Просто смотрит, как её фигурка удаляется по тропинке туда, где над верхушками старых буков виднеются вдалеке небоскрёбы из стекла и бетона, размывающиеся в дождливой дымке.

Когда девушка на миг оборачивается, сида уже нет.

Она пожимает плечами и, не сбавляя темпа, идёт к выходу из леса. И не замечает, как позади неё ритмично пригибается мокрая трава: так, словно кто-то незримый следует за ней по пятам.

Нынешнее время

Я плохо помню остаток того дня. Разговор с мамой перебил все воспоминания. Кажется, я ещё повозилась в саду, машинально выполняя привычные действия, пытаюсь не думать обо всех вопросах, что жгли меня изнутри. С ощущением, походившим на то, что порождает вырванный зуб. Я не особо задумывалась о будущем, но знала, что мне не стоит беспокоиться по этому поводу; теперь будущее (ожидаемое будущее – с практикой в колледже, сериалами по вечерам и походами в кино с подругой) исчезло, оставив вместо себя болезненную пустоту, и только в этот момент я ощутила, как мне нужно было утраченное.

Потом я допоздна разбиралась в одежном шкафу, укладывая чемодан, пытаюсь сообразить, что из вещей нужно взять с собой в Фарге. В какой-то момент поняла, что, возможно, беру слишком много – я ведь не знала, едем мы на неделю или на месяц, – и решила посоветоваться с мамой, если она не спит.

Конечно, надо было это сделать раньше. Когда я принесла ей ужин, например. Но тогда на язык рвалось слишком много вопросов, а поскольку я обещала их не задавать, то просто поставила поднос на табурет рядом с кроватью и ретировалась. Так что теперь я вышла из комнаты и, тихонько скользнув мимо спальни Эша, в которой свет уже не горел,

направилась к маминной.

Подойдя к двери, я вдруг услышала её голос:

– ...разве так не будет безопаснее?

Я застыла, прислушиваясь. Ответа на вопрос не последовало, но мама продолжила – и, казалось, разозлилась:

– Что значит «присмотришь»? Ты – и присмотришь?!

Я мялась под дверью, борясь с желанием толкнуть её и посмотреть, кому это мама названивает по графону в два часа ночи.

Или кто названивает ей.

– Да, не доверяю! – мама сорвалась на крик. – Если всё, что ты понарасказывал, правда, всё это – твоя вина! А теперь я должна просто сидеть дома и ждать?! Пока ты... ты...

Не выдержав, я рванула дверную ручку.

Мама стояла у открытого окна. Заслышав скрежет металлического язычка в замке, тут же рывком повернулась ко мне – длинную рубашку колышет ветер, волосы лохмами свисают вдоль белых щёк. Ночник, горевший рядом с кроватью, бросал отблески на её лицо, где те ложились под глаза тёмными пятнами, и на металлическую трубку графона, валявшегося без дела на прикроватной тумбе.

– Лайза, – родной голос резанул непривычной сталью, – что ты здесь делаешь?

За распахнутыми оконными створками никого не было. Лишь шелестели в ночи раскидистые кусты сирени, из-за которых в маминной комнате никогда не бывало светло. Из-за

них же трудно было вообще подойти к маминому окну... не говоря уже о том, чтобы моментально, абсолютно бесшумно от него отойти.

Может, её собеседник телепортировался? Или наложил на себя чары невидимости?..

– Я... просто хотела спросить, на сколько мы едем. Чтобы знать, какие вещи брать с собой.

– Я не знаю, когда вы сможете вернуться. – Мама ожесточённо захлопнула оконную раму. – Бери на долгий срок.

Под пристальным сизым взглядом я попятилась, чтобы покладисто кивнуть и пожелать спокойной ночи. Закрыв за собой дверь, прижалась спиной к стене, пытаюсь осмыслить услышанное.

Тряхнув головой, прокралась обратно в свою спальню, бесшумно ступая по старому паркету, доставшемуся нам в наследство от предыдущих хозяев.

Весь этот день был абсолютно ненормальным. Будем надеяться, поутру я открою глаза и обнаружу, что всё это мне приснилось.

* * *

Я долго бреду по тёмному лесу, полному старых скрюченных буков, пока не вижу вдали просвет. Тогда я бегу туда, но застываю, как только выскакиваю из лесной темени навстречу серому свету дня.

Я стою на краю круглого котлована размером с маленький городок. Безжизненного, выжженного, будто что-то взорвалось в самом его центре и огненная волна уничтожила всё, что раньше было на его месте, а успокоилась, лишь дойдя дотуда, где сейчас я всматриваюсь в мёртвую землю, замерев над отвесным обрывом. По ту сторону котлована угадываются на горизонте полуразрушенные небоскрёбы; стекло, что могло бы блестеть в дневном свете, давно осыпалось с них, оставив голый бетон. Развалины города потихоньку рассыпаются в пыль под равнодушными летними тучами, предвещающими грозу.

Что здесь произошло? Как я тут оказалась?..

...в этот миг я чувствую *взгляд*. Будто чьи-то склизкие липкие пальцы касаются моего лица.

Откуда-то зная, куда смотреть, я поворачиваю голову вправо – и вижу *это*.

Можно подумать, что в нескольких ярдах⁵ от меня стоит мужчина в чёрном брючном костюме, но тьма этого костюма – абсолютная. Он сам – чернота: изменчивая и вкрадчивая, насыщенная и зыбкая, оживший сгусток ночного мрака. Ноги его не касаются земли, а лицо...

Это главная проблема.

Вместо лица у него – та же чернота, принявшая очертания человеческой головы. Непроницаемая. Безликая.

Я отшатываюсь, когда он шагает ко мне. Не шагает даже

⁵ Мера длины, равная 0,91 м.

(я не замечаю, чтобы ноги его двигались), а вдруг исчезает с места, где был только что, и в следующую секунду возникает ближе. Ужас комком сворачивается в животе, оттуда тянет ледяные щупальца к сердцу, к горлу, катится холодной волной от шеи до кончиков пальцев...

Я разворачиваюсь, чтобы рвануть обратно в лес.

Я бегу, не разбирая дороги, не оглядываясь, но чувствую, что *она* идёт за мной. Преследует, не отставая, прожигая взглядом спину.

Как оно может смотреть, если у него нет глаз?..

Вдали показывается что-то белое. Эта белизна кажется странным противопоставлением черноте, что наступает мне на пятки, и, не задумываясь, я бегу туда; приблизившись достаточно, чтобы разглядеть цель, спотыкаюсь. Замираю – даже несмотря на тварь, что (я знаю) приближается сзади.

Это висельник. Девушка в белом платье. Она висит спиной ко мне, едва заметно покачиваясь, описывая ногами небольшую дугу; длинные волосы каштановой волной падают на худые плечи, на безвольные руки, тонущие в пене молочных кружев. Я не вижу её лица, но есть в ней что-то до боли знакомое.

В миг, когда я хочу подойти к висельнице, я понимаю, что не могу сделать и шага. Из-за страха, что окатывает колючими мурашками, парализует, сковывает по рукам и ногам. Из-за ощущения, что нечто гадкое – до омерзения, до тошноты, до рвоты – дышит мне в затылок.

Оно прямо за моей спиной...

Я закрываю глаза – и верещание будильника выдёргивает меня в реальность.

Уставившись в родной знакомый потолок, я кое-как одной рукой нащупала графон, заливающийся звоном на тумбочке. Ткнула пальцем в кнопку, вызывающую голографический экран; выключила будильник, и визг оборвался. Точно... Мне же сегодня на практику. За вчерашними событиями умудрилась об этом забыть. А вот будильник, к счастью, не забыл.

Слава богам. Приснится же такое...

Повалявшись ещё минуту, борясь с желанием провалиться обратно в дремоту, я села в постели. Щурясь, окинула взглядом спальню, освещённую рассеянным светом солнца, что просачивалось через рыжие шторы; золотой свет тёплыми бликами ложился на лица Дэвида Боуи и Queen, смотревших со стены в полном составе – раритетные плакаты украшали ещё комнату мамы в молодости, но она привила любовь к своим кумирам и дочери, так что атрибуты юношеских увлечений передала мне по наследству. Ну и бардак я вчера устроила... Все ящики комода выдвинуты нараспашку, мохнатый ковёр, стул и даже письменный стол завалены вещами.

Встав, я перешагнула через раскрытый чемодан, который вечером оставила рядом с кроватью, – и тоскливо осознала, что вчерашний день мне всё-таки не приснился.

Когда я вышла на кухню, Эш сосредоточенно жарил оладушки.

– Дай мне. – Я попыталась оттеснить его от плиты.

– Тебе некогда. – Брат ловко перевернул очередной оладушек деревянной лопаткой. – Скоро в колледж выходить.

– Никуда я сегодня не пойду. Хочу побыть с мамой, раз нам завтра уезжать.

– Она выходила ко мне час назад. Как услышала, что я встал. И сказала, чтобы ты не вздумала пропускать сегодняшнюю практику.

Моя рука, уже тянувшаяся отобрать у него лопатку, замерла над пластиковой столешницей.

– А потом сказала, что плохо себя чувствует и ложится спать. И чтобы мы не вздумали её будить. И дверь магией заперла, – добавил брат, щёлкая по сенсорным кнопкам, убавляя температуру электрической конфорки. – Стучаться бесполезно, я пробовал.

Пальцы сами собой сжались в кулаки.

Нам грозит опасность, от которой вечером мы сорвёмся на другой конец страны, – а теперь мама требует, чтобы я как ни в чём не бывало шла в колледж?.. Впрочем, если подумать, в этом есть резон. Наверное, до вечера мы с Эшем должны создавать иллюзию того, что ничего не знаем, дабы не провоцировать неведомого врага.

С другой стороны...

– Тебе тоже всё это кажется неправильным и странным?

– Не более странным, чем вчерашнее. – Эш аккуратно переместил последние оладушки со сковородки на тарелку. Протянул мне готовый завтрак: – Держи. Чай я отнёс на стол остывать.

Вздохнув, я благодарно потрепала брата по светлым кудряшкам – на утреннем солнце они почти светились золотом, необычно ярким для людей. Приняв тарелку, вышла на веранду, чтобы уже за столом вспомнить про кленовый сироп.

Досадливо прикрыв глаза, я вскинула руку, в подробностях представляя стеклянную бутылочку на полке в шкафу:

– *Кварт эир*, – заклятие прозвучало почти песней, – *ле до хойль э хорди руд*.

Ответом мне был тихий звонкий стук, с которым коснулась скатерти бутылка, благополучно переместившаяся из кухни на стол передо мной. Прелести бытия потомственной колдуньей... Я изучала магические искусства на школьном факультативе и вот уже два года – в колледже, но телепортацию – даже мелких объектов – преподавали только в университете. Так что мамины учебники, которые остались у неё после бакалавриата, пришлись кстати. В теории я могла телепортировать и что-то покрупнее бутылки (заклятия работали по одному принципу, да и формула переноса людей и крупных объектов была несложной), однако сил на это расходовалось больше, чем позволял мой скромный колдовской резерв. Единственный раз, когда я любопытства ради телепортировалась из спальни в сад пару лет назад, стоил мне

нескольких часов слабости и головокружения, и с тех пор повторять фокус я не решалась.

Я залила оладушки сиропом так щедро, что от сладости у любого могли бы слипнуться зубы. Несмотря на это, завтрак я пережёвывала, не чувствуя вкуса: с тем же успехом Эш мог накидать в тарелку травы.

Зачем мне идти в колледж? Зачем это маме? И как, формы меня побери, я объясню учителю, почему срываюсь в другой город, едва начав практику, которая мне нужна больше, чем кому-либо? Сказаться больной? Или вообще ничего не объяснять – просто взять и исчезнуть?..

– Лайза, ты, ленивая задница! Почему ты ещё не поела?!

Когда я подняла голову, у калитки в наш сад сердито махала руками Гвен.

...ладно. Обо всём, что сейчас вгоняет меня в ступор, подумаю потом.

– Минуту! – торопливо глотнув чаю, я поднялась из-за стола. – Заходи пока!

Когда, наспех одевшись, я вернулась на веранду, Гвен скусающе бродила туда-сюда по садовой дорожке, периодически отправляя в рот спелые розовые ягоды с крыжовенных кустов. Утреннее солнце соскальзывало с белого шёлка её волос, золотило смуглую кожу вытянутого лица, осветляло ореховые глаза до кошачьей желтизны; каждый шаг сопровождали шелест длинной юбки и цокот того, что я когда-то приняла за каблучки. Высокая, стройная, миловид-

ная, в этой юбке Гвен казалась обычной человеческой девочкой... но она была глейстигом, и изумрудный шёлк, почти подметающий подолом землю, скрывал оленьи копытца. Глейстигов, брауни, баныши, селки – всех фейри, обитающих в нашем мире, отличали черты, которые веками заставляли людей считать их «уродцами». Существами второго сорта. У обитателей Эмайна эти черты и сейчас не вызвали бы ничего кроме презрения. Наверное, поэтому златокудрые шутники тилвит теги и благородные дин ши⁶, периодически выбиравшиеся со своего блаженного Эмайна в наш мир, обольщали исключительно человеческих женщин...

К счастью, мы переросли глупые предубеждения. Сто лет назад Гвен носила бы длинную юбку, чтобы скрыть копытца. Теперь – просто из любви к вычурным нарядам.

– Чего ты так долго сегодня? – укоризненно протянула Гвен, пока я спускалась по деревянным ступеням веранды.
– Проспала.

Я решила не вдаваться в подробности. И в этот момент была рада, что за семнадцать лет неплохо научилась скрывать от окружающих то, что у меня на душе – даже от лучшей подруги. С Гвен я порой делилась тем, что не могла обсудить с Эшем, не нарвавшись на сарказм, или с мамой, не получив в ответ лекцию о правильной расстановке приоритетов и главенстве важного над личным (иными словами, сперва

⁶ В ирландском фольклоре – героические фейри, легендарные воины, никогда не терпевшие поражения.

мне нужно закончить университет и обрести профессию, а потом уже думать о такой ерунде, как романтические отношения, будто сам факт наличия у меня личной жизни мог пустить под откос всю остальную). Но всё же негласным девизом нашего семейства было «семейные проблемы остаются в семье».

Да и не только семейные.

Прикрыв калитку, мы вышли с нашего участка, мимо кабачков и крыжовника поросшего старыми яблонями, на пустынную улицу. Асфальтированная дорога грелась на солнце меж двумя рядами низких домов с просторными садами: типичный пейзаж провинциального городка. Мимо лениво проехал электромобиль, сверкнув солнечной батареей, встроенной в крышу, и устремился к центру Мойлейца.

Проводив его взглядом, мы с Гвен зашагали в ту же сторону.

– Представляешь, вчера, когда мы после кино разошлись, я решила ещё прогуляться и встретила Лизабет! – привычной скороговоркой подруга вплетала свежие сплетни в мелодичный цокот копыт по асфальту. – И знаешь, с кем она под ручку гуляла? В жизни не угадаешь! С Полом! Лизабет и Пол, как тебе? Я весной и подумать не могла, что...

Я только кивала. На самом деле Гвен не нуждалась в моих ответах: вопросы являлись риторическими, а вставлять свои пять пини⁷ в поток её нескончаемой болтовни было занятием

⁷ Мелкая монетка (*харлер.*).

неблагодарным и бесполезным.

Мы познакомились с Гвен, как только переехали из города сюда, в Мойлейц. Мне тогда было тринадцать, и я неописуемо страдала от расставания со школьными друзьями. Помнится, когда мама объявила о переезде, я долго рыдала, пытаясь заставить её передумать – тщетно. Причины, почему мы сорвались из мегаполиса в провинцию, обменяв трёхкомнатную квартиру в престижном квартале на нынешний маленький дом, так и остались для меня туманными. Сейчас я уже не роптала – тихий живописный Мойлейц, где даже в центре дома не превышали пяти этажей, нравился мне куда больше воспоминаний о лабиринте стеклянных небоскрёбов, – а вот в тринадцать переезд стал для меня трагедией. Гвен жила на той же улице и ходила в ту же школу, что я, и в первый же день меня подсадили к ней за парту. Сперва непривычно было сидеть рядом с кем-то, тем более с фейри (в прошлой моей школе парты были рассчитаны на одного), но я быстро привыкла.

...а не был ли и тот наш переезд связан с неведомой историей, из-за которой теперь нам с Эшем придётся снова внезапно сменить место жительства?..

– Я сегодня ужасно спала, – пожаловалась Гвен, когда у неё кончились новости про запутанные отношения наших однокурсников. – Легла вроде рано, но кошмары снились.

– Кошмары? – Я вспомнила свой сон. – О чём?

– Бред какой-то. – Подруга передёрнула плечами, обтяну-

тыми шёлком нежно-зелёного платья. Рядом с Гвен я со своими рваными джинсами, футболкой с принтом и красными «конверсами» казалась девчонкой-сорванцом. – Чёрный человек без лица.

Холод – ледяное эхо того же ужаса, что во сне лишил меня сил и воли, – расползся по телу, невзирая на жару летнего утра.

– Без лица?..

– Гонялся за мной по всему дому. Давно так не радовалась будильнику.

– Как и я.

В ответ на моё бормотание Гвен удивлённо вскинула тонкую белую бровь:

– Хочешь сказать...

– Да. Мне тоже он снился.

Подруга пожевала губу, маленькую и пухлую, как кофейная мармеладка.

– Что-то Повелитель Кошмаров расшалился, – изрекла она наконец. – Интересно, ещё кому-нибудь сегодня ночью явилось это чудище?

Я с сомнением воззрилась на зелёную изгородь дома, мимо которого мы проходили, высившиеся над ней яблони и газон вдоль дороги, пожухлый от зноя.

Теоретически наши сновидения и правда мог наслать Повелитель Кошмаров... он же Повелитель Тьмы, он же тёмный бог Донн, он же предводитель Дикой Охоты. В долгую

ночь Самайна⁸, когда Донн выезжает в наш мир на вороном коне во главе своры мстительных духов, злобных псов-оборотней и прочих жутких тварей (которых в других странах называли демонами, а мы окрестили фоморами), ни людям, ни феэри лучше было не спать. Всем, кто засыпал, снились кошмары: мучительные, до жути реалистичные и всегда – одинаковые. Будто всех жителей Харлера, которым не повезло задремать на повороте Колеса Года, затягивало в один и тот же сон, созданный богом в качестве особого праздничного подарка.

Но с чего бы Донну делать это посреди лета, когда до Самайна ещё так далеко?..

– Не знаю, – откликнулась я, пока зелёную изгородь сменял низкий белёный заборчик, за которым вместо яблонь красовались розовые кусты, а очередной коттедж уплыл за наши спины, чтобы уступить место другому. – Надо будет у Эша спросить.

Ещё одна странная странность. И на сей раз не только странная, но и страшная.

Ладно, об этом, пожалуй, я тоже поразмыслю потом.

Мы дошли до оживлённого перекрёстка, где на светофоре загорелся зелёный. Удачно – не пришлось перебегать на красный, а то мы с Гвен частенько этим занимались. По зебре перехода пройдя мимо скучающе жужжащих моби-

⁸ Кельтский праздник окончания уборки урожая, позже трансформировавшийся в Хеллоуин; отмечался в ночь с 31 октября на 1 ноября.

лей, приторможенных бдительным алым глазом на бетонном столбе, оказались в кленовом сквере, ведущем прямиком к колледжу; листья бросали пятиконечные звёздные тени на асфальт и прохожих, торопившихся по своим делам.

С тринадцати лет по утрам мы встречались с Гвен у моей калитки, чтобы идти в школу вместе. Два года спустя поступили в один и тот же колледж, на трёхгодичную программу предуниверситетской подготовки: в Кембридж или Оксфорд мы не метили, но попасть на факультет магических искусств в Лондонском университете рассчитывали. Оба пройденных курса закончили на восьмёрки и девятки (ладно, несколько семёрок затесалось, но ничего ниже) и заслуженно гордились парой десятков. В конце концов добились, чтобы на летнюю практику перед третьим курсом нас распределили к мастеру Тинтрэ, который вёл у нас курс преобразования энергии – мой любимый предмет.

А теперь мне придётся бросить долгожданную практику после первого же занятия... Блеск.

– Думаю, беспокоиться не о чем, – сказала Гвен, когда мы приблизились к трёхэтажному зданию красного кирпича; жестяная крыша под полуденным солнцем сияла так, что отблески резали глаза. – В конце концов, это просто сон. Привет, Пол, привет, Бет! Готовы к новым мучениям?

Я молча поднялась по широкому гранитному крыльцу к двустворчатым дверям колледжа, вяло махнув рукой однокурсникам, в ожидании практики задымлявшим воздух ар-

бузными парами от вейпа.

По правде сказать, я не была согласна с её словами. И не была уверена, согласна ли со своими словами сама Гвен.

Но, с другой стороны, что нам оставалось делать?

* * *

— ...игральные кости в качестве боевых артефактов хороши, даже несмотря на малую энергоёмкость. Впрочем, всё лучше карт. — Заложив большие пальцы в карманы шёлкового жилета, мастер Тинтрэ прохаживался между партами, наблюдая за нашими мучениями. — Карты как боевые артефакты удобны, и работать с ними проще всего — потому их и зачаровывают в рамках стандартного учебного курса. Но они, к сожалению, маловместительные. Зато когда доберёмся до драгоценных камней... Самые мощные и функциональные артефакты. Прекрасные резервуары для энергии любого типа. «Пустой» камень можно обратить в источник чистой магической силы — на случай, если вам не хватает собственной. Принцип работы тот же, что с кристаллами, которые мы осваивали в первом семестре. Можно поместить в камень любое заклинание, даже проклятие, вытянутое из человека. А для активации скрытых в камнях заклятий не нужно слов: достаточно броска, удара или соприкосновения с живым объектом. Зависит во многом от свойств того, что заключено внутри, однако и сам создатель артефакта...

Я украдкой подняла взгляд.

Совсем ещё не старый – едва ли за сорок – мастер мог показаться седым, но на деле кудри его были серебристо-белыми. Видимо, подарок предка из дин ши. Глаза скрывали затемнённые очки с маленькими круглыми стёклами, придававшие его худому лицу непроницаемость секретного агента; жара вынудила мастера сменить обычный строгий костюм на светлые брюки и хлопковую рубашку, но даже лето не заставило его отказаться от жилетки.

Отерев пот со лба – в аудитории было жарковато, – я вновь склонилась над своей костью: самый обычный игральный кубик из обсидиана с шестью гранями, помеченными нужным количеством белых точек.

– ...впрочем, возвращаясь к костям. Принцип атаки тот же, что с картами, но с одним нюансом. Для активации заклęcia, скрытого в карте, достаточно кинуть её в противника, приложив капельку ментальных усилий. Соответственно, самая большая трудность – достать из колоды ту, что вам нужна. Маги для этого прибегают к элементарному заклятию Призыва, обычные люди довольствуются тем, что складывают карты строго определённым образом. Но в костях скрыто не одно заклятие, и ни одно из них не сработает, если не назвать номер грани, к которому привязано интересующее вас заклинание. Так что...

Я повернула кубик, чтобы сверху оказалась грань с четырьмя точками. Сжав его в кулаке, сосредоточилась, стара-

ясь не слушать тихое бормотание однокурсников, доносившееся со всех сторон.

Когда я разомкнула губы, с первым же словом на моей руке жемчужно-белым светом проявились извилистые линии магической печати, оплетавшие кожу от предплечья до кончиков пальцев.

– *Аи́ке гам орт, ле форнай́т аэ́р...*

Кубик в моей ладони запылал жарким снежным сиянием, пробившимся даже сквозь плотно сомкнутые пальцы. Поток силы, текущие по руке, хлынули в костяную безделушку в моём кулаке. Где-то сбоку послышался треск, потом – вскрик и искристое шипение; воздух наполнил запах гари, но я только зажмурилась.

Не отвлекаться. Контроль, ежесекундный контроль. Постоянно регулировать количество силы, вливаемой в кубик. Иначе последствия могут быть катастрофическими.

– *...бли́нджес мо наймд́жэ, абхэ ар мо хосэ́нджэ!*

Мысленно замкнув силовой контур, я ощутила, как остывает кубик в моей руке. Открыла глаза – и, разжав ладонь, удовлетворённо опустила кость на парту.

За два курса мы изучили немало разных заклятий, но теперь задание было куда интереснее: вложить заклинания в кубик, зачаровав все шесть его граней, и оставить дремать там – до момента, пока не понадобится активировать их, назвав нужную цифру и бросив кость в противника. В итоге получалось что-то вроде магических пуль.

Сколько сотен таких кубиков на моей памяти зачаровала мама, я и не вспомню.

– Четвёртое есть, – констатировала я, пока Гвен фиксировала каждое действие в свой графон. – Сколько у нас осталось времени?

– Десять минут. – Подруга сосредоточенно смотрела в голографический экран: тот мерцал над серебристой трубкой графона, лежавшего на парте, пока пальцы Гвен ловко бежали по иллюзии клавиатуры, спроецированной на столешницу. – Пятую уже не успеем.

Родись мы лет на двадцать раньше, и пришлось бы таскать с собой на учёбу громоздкие ноутбуки (они ещё и весили больше килограмма, мама рассказывала). Это сейчас хорошо: и средство связи, и персональный компьютер в одной компактной металлической штучке, проецирующей голограммы. Впрочем, когда-то студентам вообще вручную писать приходилось...

– Ладно, тогда завтра придётся тебе продолжить, – сказала я – прежде чем сообразила, что завтра меня в Мойлейце уже не будет.

...нет, не думать об этом. Потому что я так и не придумала, как объясню своё исчезновение, вернувшись в город осенью.

Если мне вообще суждено вернуться.

Я покосилась на соседнюю парту: Хелен и Джилл, две

баньши⁹, готовившиеся к поступлению на кафедру теоретической магии, сокрушённо взирали на обгорелые осколки своего кубика, раскиданные по столешнице. Понятно... Вложили слишком много силы за раз. Для этого мастер перед началом урока и велел нам надеть защитные очки, напминавшие маски для подводного плавания: отлетит осколок кости в глаз, и пиши пропало.

– Мисс Форбиден, – послышалось из-за моего плеча, – позвольте взглянуть?

Гвен заметно занервничала. Я взяла кубик двумя пальцами, чтобы передать учителю.

Мастер Тинтрэ повертел кость в ладони – одновременно с тем, как на коже его полыхнуло плетение отрывистых зеленоватых линий, убегавших под длинный рукав рубашки. Говорят, печать отражает характер мага, но я никогда не сказала бы, что в характере Александра Тинтрэ есть острые углы. А вот моя вполне соответствовала этому утверждению: в четыре года, когда печать впервые проявилась, выдав во мне юного мага, она состояла из весёленьких жизнерадостных спиралей, однако с возрастом рисунок менялся, расправляясь из крутых завитков в плавный изгиб узора, напминавшего стебли выюнка. Хорошо хоть печать проявляется, только когда колдуешь... Не хотелось бы мне, чтобы она торчала

⁹ В ирландском фольклоре – дух женщины, предвестница смерти; согласно поверьям являлась возле дома обречённого на смерть человека, стонами и рыданиями возвещая, что час его кончины близок.

на руке эдакой татуировкой, позволяя каждому встречному делать о тебе далекоидущие выводы.

– Четвёрка ослепляет, – комментировал мастер, неторопливо проворачивая кубик в пальцах, – тройка парализует, двойка создаёт морок, а единица... щитовой барьер? – Хмыкнув, учитель кинул кость обратно на парту. Лишь сейчас я заметила, что окружающие забросили собственные экзерсисы, глядя на нас. – И почему же барьер, мисс Форбиден? Я понимаю, если бы защитная сфера, но её мы будем изучать лишь в следующем году, а щит... Вы ведь в курсе насчёт радиуса действия этого заклинания.

– Если кинуть четыре кости вокруг себя, создав четыре щита со всех сторон, получится аналог сферы, – пояснила я. – Это будет быстрее и эффективнее, чем тратить силы на создание сферы такого размера. Учитывая, что лично моих сил всё равно не хватит на то, чтобы долго её поддерживать.

Мастер удовлетворённо почесал подбородок:

– Четыре кости, значит... а у вас творческий подход, мисс Форбиден. Всем бы здесь такой.

Гвен надулась от гордости, но я под чужими взглядами неловко ссутулилась.

Любимчики учителей редко пользуются любовью однокурсников. Меня спасало то, что я охотно делилась конспектами, помогала менее усердным товарищам готовиться к очередному зачёту и дружила с Гвен, которая, в свою очередь, дружила со всеми. Иначе я бы наверняка стала изгоем,

особенно учитывая регулярные отказы от пьянок после экзаменов и походов в бар с ребятами: крепкий алкоголь нам пока не наливали, но на пиво, вино или сидр после шестнадцати мы вполне могли претендовать. Да только ни пиво, ни вино, ни сидр мне не нравились, мама была против, а для шумных посиделок я была слишком глубоким интровертом. Любые сборища, где количество участников превышало пять-шесть человек, очень скоро вызывали у меня желание сбежать на поиски пустой комнаты, где можно закрыться и посидеть в тишине. Так что я предпочитала выбираться в кафешки вдвоём с Гвен или коротать наш совместный досуг за сериалами, читать и обсуждать прочитанное с Эшем, а иногда вообще бродить по городу в одиночестве – случалось у меня и такое настроение...

– На сегодня время вышло. Упаковывайте кости в контейнер. Если есть что упаковывать, – добавил мастер. – Завтра продолжите работу, поменявшись местами.

Гвен торжествующе щёлкнула на графоне кнопку дезактивации, вынудив экран и клавиатуру растаять в воздухе. Пока подруга складывала вещи, я возвратила кубик в картонную коробочку, аккуратно подписанную маркером *«Элайза Форбиден, Гвен Хайлин»*. Там уже лежала одна готовая кость и две, которые только предстояло зачаровать. Отстояв небольшую очередь из приунывших студентов, я отнесла контейнер на учительский стол; встретившись со мной глазами, мастер тепло улыбнулся, и я ответила ему улыбкой.

Наша любовь была абсолютно взаимной. Моя – к одному из самых прекрасных учителей, что мне попадались за жизнь, и его науке. Мастера – к пытливой, понятливой и многообещающей студентке, которая собиралась сделать его предмет своим призванием. Для боевого мага мой потенциал был слабоват: и силёнок маловато, и скорость реакции так себе. Тихо сидеть за партой, сплетая магические формулы, неторопливо преобразовывая разлитую в воздухе энергию в нечто большее, – другое дело. Потому я и хотела стать магом-артефактором – с тем, чтобы созданные мной артефакты использовал кто-то другой...

По сложной цепочке мыслей и ассоциаций скользнув к воспоминаниям о неведомой опасности, я разом перестала улыбаться. Спешно отвернувшись, пока учитель не заметил в моём лице того, чего ему видеть не полагалось.

Что скажет мастер Тинтрэ, когда любимая ученица не придёт на его урок, как сквозь землю провалившись?..

– Неплохо, да? – покидая аудиторию, воодушевлённая Гвен почти пританцовывала. – Это мы так с костями раньше всех закончим! Может, мастер нам и камни для зачарования сразу выдаст? Ну, в порядке исключения?

– Вряд ли, – уныло ответила я, сворачивая к лестнице.

– Эй, ты чего такая кислая? Дома что-то случилось?

– Просто настроение плохое, – легко соврала я, ведя рукой по стене, чувствуя кончиками пальцев шероховатость фигурной штукатурки. – Из-за сна этого.

– Да ладно тебе! Мало ли чего приснится. Как будто в Самайн никогда не засыпала. – Копытца Гвен бодро цокали по гранитным ступеням. – Помнишь, что Повелитель Кошмаров в том году учудил, когда мы с тобой за фильмом задремали?

– Такое вряд ли забудешь. Когда у тебя червяки лезут из рук и жрут твои пальцы... Но сейчас-то не Самайн.

– Пф, как будто ему кто мешает не в Самайн пошалить! Тем более Лугнасад¹⁰ скоро. – При нашем приближении стеклянные двери на улицу гостеприимно раздвинулись, вынудив подругу сощуриться, пряча зрачки от света за длинными ресницами. – Хорошо хоть всю Дикую Охоту из потустороннего мира не вытащил... Так мы сегодня к тебе или ко мне?

Спускаясь по крыльцу к кленовой аллее, я быстро вывернула руку ладонью наружу, скрестив пальцы в оберегающем жесте (с Дикой Охотой лучше не шутить). Запоздало вспомнив, что мы договаривались после практики посмотреть ещё пару серий «Кодекса Форбидена», хотела было ответить, что сегодня мне в принципе не до гостей, но вспомнила, что должна вести себя как обычно.

– Лучше к тебе. – Уж точно не к нам, где ждут бардак в моей комнате, мама, запершаяся в спальне, и Эш с лицом ледянее обычного. – Только я сегодня ненадолго.

¹⁰ Кельтский языческий праздник начала жатвы и осени, отмечался 1-го августа.

– А что так?

– Дела.

Гвен вздохнула, доставая графон. Над короткой трубочкой всплыл и замерцал голографический экран – на сей раз небольшой, с ладошку, не чета полноформатному, который мы использовали на уроках.

– Окей, напишу маме, что ты у нас обедаешь...

Перешагивая через кленовые тени, мне хотелось сказать ей искреннее «спасибо» за отсутствие расспросов. Впрочем, сейчас подруга уже привыкла, что время от времени мне, глубокому интроверту, нужно побыть одной. Когда мы только познакомились, в ответ на такое заявление она обиженно поджимала губы, думая, что надоела.

По правде говоря, дружескую болтовню с Гвен действительно нужно было дозировать: небольшими порциями, до учёбы и пару часов после. Передозировка грозила хронической усталостью и ушами, увядшими от болтовни.

Мы неторопливо шли по скверу, приближаясь к перекрёстку, за которым начинались жилые кварталы. Гвен сосредоточенно набивала сообщение маме, расчерчивая пальцами голограмму экрана; асфальт пустой дороги купался в прозрачном горячем мареве – три часа, разгар жары. Видимо, все водители предпочли пересидеть это время дома. На светофоре горел зелёный, но он уже начинал тревожно мерцать.

– Перебежим? – убирая графон в карман, предложила

нетерпеливая Гвен.

Я сорвалась с места, устремившись к пешеходной «зебре», и мы вприпрыжку выбежали на дорогу в миг, когда зелёный сменился красным.

В миг, когда я поняла, что по ту сторону перехода стоит *оно*.

...следующие мгновения тянулись бесконечно долго.

Вот я смотрю на безликую тьму, зависшую в паре сантиметров над землёй, явившуюся из моего кошмара.

Вот по спине волной прокатывается беспомощный ужас, сковывающий по рукам и ногам, заставляющий застыть на месте.

Вот кожу обжигает мерзкое ощущение от безглазого взгляда, устремлённого на меня. Гвен медленно, странно медленно бежит через дорогу навстречу монстру, оставляя меня за спиной; я хочу крикнуть ей «стой», позвать на помощь, сделать хоть что-то, но язык мой отнялся, как и моё тело.

Следом я слышу истошный визг тормозов.

Я поворачиваю голову, с каким-то отстранённым интересом наблюдая за мобилем, наезжающим на меня. Вижу перекосенное лицо водителя, отчаянно отдавливающего педаль тормоза. Понимаю, что капоту до моего тела осталось не больше фута¹¹ – и что я сейчас умру.

...а потом чувствую, как что-то тисками обхватывает мой

¹¹ Мера длины, равная 30,48 см.

живот, болезненным рывком оттаскивает назад...

...и время потекло с прежней скоростью.

Жадно вдохнув (последние секунды мои лёгкие благополучно забывали о такой мелочи, как потребность в воздухе), я проводила взглядом одинокий мобиль, проехавший ещё ярдов десять, прежде чем затормозить. Посмотрела на другую сторону дороги, где застыла Гвен: мертвенно-бледная, прижавшая ладони ко рту, не сводящая с меня полного ужаса взгляда, как и парочка случайных прохожих... и никого кроме.

Надо же. Я жива. А где чёрный кошмар?..

Поняв, что монстр бесследно исчез, я опустила взгляд. Заметила чужие руки на моей талии за секунду до того, как те разжались и скользнули мне за спину.

Обернулась.

Первым, что я увидела, были его глаза: тёплый блеск аметиста, весенняя сирень и фиалковый свет заката. Потом к картинке добавилось юное белокожее лицо и серебро длинных волос: спереди непослушные прямые пряди падают на скулы, доставая до губ, сзади отпущены ниже плеч – насколько ниже, с этого ракурса разглядеть было трудно. Ещё немного погодя – штаны и рубашка причудливого покроя, рукавами достающая почти до ступней босых ног: в дневном свете белая ткань его одежд, на которой кровавой вязью расцветали алые узоры, отливала лунным серебром.

Сид.

Осознав, что без него я уже была бы кучей мяса и переломанных костей, пачкающей кровью дорогу, я кое-как разомкнула губы.

– Спасибо, – голос был хриплым, мысли путались, слова отказывались идти на язык. Откуда-то доносились встревоженный гул чужих пересуд и гневная отповедь, которой невезучий водитель решил наградить безумных девчонок, прыгающих под колёса, но я почти не понимала смысла того, что слышу. – Вы... Я...

Сид отступил на шаг. Лицо его ничего не выражало.

– Будь осторожна, – проговорил он и исчез: словно кто-то в один миг сменил картинку кленовой аллеи, где он был, на точно такую же, только без него.

Я ошеломлённо смотрела на звёздные тени на плитке и прохожих – прежде чем продолжить путь, те не забывали наградить меня неодобрительными взглядами и качать головами не хуже катайских болванчиков, – когда Гвен, рыдая, сзади кинулась мне на шею.

– Лайза! Боги, я так испугалась! Я уж думала, тебя...

– Ты видела его?

– Кого?

– Сиды! Который спас меня!

– Конечно, видела! Только что тут стоял! – Подруга недоумённо огляделась. – Ой, а куда он делся?..

Я прижала пальцы к вискам.

Значит, прекрасный спаситель мне не померещился. Уже

хорошо.

– А этого... чёрного... из сна... видела?

По взгляду, которым Гвен уставилась на меня, я поняла – не видела.

На всякий случай я осмотрелась кругом. Злополучного мобиля уже не было видно: водитель решил не разбираться с сумасшедшей девицей, застывшей столбом посреди дороги. Моего спасителя – тоже. Только посторонние люди и фейри, иные из которых с любопытством оглядывались на нас.

– Ладно, забудь. – Я развернулась обратно к светофору, где красный свет мерцал в преддверии зелёного. – Идём.

– Лайз, ты в порядке?

– В полном. Просто из-за жары голова закружилась.

Но когда мы вновь зашагали по «зебре» – неторопливо, предварительно удостоверившись, что на горизонте действительно нет ни одного мобиля, – я пыталась вспомнить, которая эта странность по счёту из всех странностей, приключившихся со мной за последние сутки. И понимала, что с этими странностями нужно что-то делать.

Следующую, судя по всему, я могу не пережить.

* * *

– Привет, тыковка! – заворковала тётя Лэйн, стоило нам перешагнуть порог дома Хайлинов. – Привет, Лайза! – нам обоим достался сердечный поцелуй в щёку, но Гвен к то-

му же привычно поворчала на испорченную причёску, когда мать ласково взъерошила её белобрысую макушку. – Скорее обедать, пока не остыло!

Я прошла по коридору не разуваясь: в доме глейстигов, которым обувь не требовалась, это было ни к чему. Тростниковые коврики поверх мшистого ковролина смягчали звук шагов и стук копыт; бумажные обои в бежево-зелёных тонах и деревянная мебель в стиле кантри заставляли ещё острее ощущать, что мы далеко от больших городов. Повсюду виднелись цветы в горшках (глейстиги и в помещении предпочитали быть ближе к природе) и шкафы с настоящими книгами – не то что в нашей бывшей квартире, где даже обои были голографическими.

Честно говоря, сейчас я с трудом понимала, чем жизнь в мегаполисе мне так нравилась.

– Как день прошёл? – когда мы уселись за большой круглый стол, спросила тётя Лэйн, раскладывая овощной салат по деревянным тарелкам.

Мы с Гвен переглянулись.

– Нормально, – пожала плечами подруга после недолгой паузы.

– Как-то это «нормально» прозвучало не совсем нормально, – усомнилась тётя Лэйн, вытаскивая из духовки блюдо с зелёной фасолью в сливках, запечённой под сыром. В отличие от дочери она носила короткие шорты, так что оленьи ножки представляли во всей красе – стройные, изящные, по-

крытые бархатистой светлой шёрсткой. Такие же, как у Гвен. Они с матерью вообще походили друг на дружку, как два древесных листа: когда я впервые увидела снимок тёти Лэйн в молодости, то подумала, что фотографировали мою неуёмную подругу.

Я тоже росла маминой копией. Даже причёску носила такую же, как она. И, в отличие от Эша, не унаследовала ни единой отцовской черты.

К счастью.

– Просто урок был сложный, – солгала Гвен с той же лёгкостью, с какой я солгала ей днём.

– Не учителя у вас, а изверги! Даже летом детям отдохнуть не дают... Фасоли хватит, Лайз?

Я тоскливо воззрилась на щедро наваленную порцию:

– Я бы сказала, перебор.

– Кушай-кушай! А то худенькая, что тростиночка! Да и Гвен туда же...

Мне хотелось возразить, что на одних овощах сильно не разъешься (глейстиги – убеждённые вегетарианцы), но я промолчала. К тому же зазвонил графон, лежавший на кухонном подоконнике, и тётя Лэйн процокала к окну:

– Папа звонит. Вы ешьте, я вернусь и пирог к чаю поставлю...

– Доедай быстрее, – бросила Гвен, когда хозяйка кухни вышла, предоставив нам опустошать тарелки в тишине и покой. – И пойдём ко мне в комнату. Поговорить надо.

А я-то думала, чего это подруга по дороге вела себя подозрительно тихо...

Закинув в себя салат и фасоль так быстро, как позволили руки, слегка дрожавшие после моей несостоявшейся смерти под колёсами, я поднялась из-за стола; Гвен сделала то же ещё раньше, чтобы прихватить из шкафа коробку с печеньем, а из холодильника – бутылку сладкой газировки. Коридор, заставленный фикусами вдоль стен и оглашённый отзвуками весёлого щебета тёти Лэйн, доносившегося из-за лакированной двери кабинета, привёл нас в королевство красного, розового и плюшевых зверей. Подобная инфантильность больше подходила Гвен, когда той было тринадцать, но с тех пор в её комнате ничего не поменялось: стены и мебель переливались всеми оттенками алого рассвета, игрушечные мишки и зайцы смотрели на меня с подоконника, с полок секретера и даже со шкафа. Один медведь – огромный, больше моего роста – восседал на полу, рядом с кроватью под сетчатым балдахином; к нему и направилась Гвен, чтобы усесться прямо на ковёр, воспользовавшись медведем как креслом. Я невольно засмотрелась на её юбку, раскинувшуюся по вересковой шерсти шёлковым кругом, отливающим красками летнего леса, но требовательное «*А теперь рассказывай!*» вывело меня из задумчивости.

– Что рассказывать? – уточнила я.

– Да про того сида, который тебя спас! – Гвен кинула перед собой печенье и бутылку: та катилась по полу пару фу-

тов, пока не уткнулась в ножку стула, и ответила на нелестное обращение пеной, забелевшей внутри. – Это твой отец, так?

Оторопев, я упала в кресло рядом с секретером – и расхохоталась.

– Что? – протянула Гвен обиженно. – А с чего ещё кому-то сиду выдёргивать тебя из-под колёс, взявшись из ниоткуда, и тут же снова исчезать?

– Мой отец – тилвит, – отсмеявшись, вымолвила я, сдержав на губах ответный вопрос, как подобная чушь вообще взбрела подруге в голову. – Могла бы вспомнить, какого цвета волосы у Эша. А у этого шевелюра была серебряная, если ты не заметила. Стало быть, он дин ши.

– Тогда, может, он знакомый твоего отца?

– Да при чём тут вообще мой отец?

– Ну как же – он рассказал о тебе кому-то, а его знакомый переместился сюда, в Харлер, нашёл тебя и теперь присматривает за тобой!

Удушливая волна раздражения подкатила к горлу, пока горькая улыбка сковывала спазмом мои щёки:

– Хорошая сказочка. Только вот верится в неё слабо. Не думаю, что отец вообще обо мне помнит. Кто я для него? Одна из детей одной из смертных дурочек, которых он оболстыл. Он сам меня бросил, так с чего теперь будет вспоминать да заботиться?

Гвен пожевала губами воздух, явно расстроенная прова-

лом блестящей теории, что она успела состряпать за десять минут, отделявшие злосчастный перекрёсток от её дома.

– А как они познакомились? Твои родители?

Мои руки раздражённо впились ногтями в коленки: спасибо дизайнеру, решившему продрать джинсы ровно там, где в детстве я, падая, рвала штаны почти постоянно.

– Мама гуляла в лесу рядом с городом, где она выросла. Встретила... *его*... – Последнее слово поневоле выплунулось как ругательство. – Мама вроде пыталась его отшить, да не получилось. Они же знают, как очаровывать...

Я удержалась от того, чтобы добавить «скоты». Подумала, что в присутствии Гвен это может быть бестактно.

У Харлера, родины людей и «низших» фейри (тех, кому в своё время не позволили удалиться из человеческого мира в Дивную Страну), с Эмайн Аблахом, обителью «высших» фейри (они же Племена Богини Дану¹², они же Туата де Данаан, они же туаты, а для нас – сиды), издавна были сложные отношения. Вернее сказать – никакие. Причина проста: пусть Харлер и Эмайн разделяет лишь семимильная полоска морской воды – это даже не разные страны, а разные миры. На Эмайне и время течёт иначе, а какие могут быть деловые отношения с государством, живущим в другом временном измерении? Некоторые счастливики, сплававшие на Эмайн и вернувшиеся оттуда сутки спустя, утверждали, что пробы-

¹² В ирландской мифологии – богиня-мать, одна из самых значительных фигур кельтского пантеона.

ли у сидов несколько месяцев. Другие уплывали из Харлера, оставляя своих детей младенцами, лежащими в колыбели, гостили на Эмайне всего-то денёк — а когда возвращались, могли познакомиться с собственными правнуками.

Вычислить правила или законы временных соотношений двух миров оказалось невозможно. Ни правил, ни законов просто не было.

Все эти поучительные истории нам рассказывали в школе, сводя их к одному: смертным в Дивной Стране не место. Не только потому, что гостеприимство сидов было весьма специфичным. Это для фейри Эмайн был благословенным краем, где не ведали ни смерти, ни болезней, ни бедности, ни горестей; людям погибнуть там или стать рабами сидов, живыми игрушками, от которых избавиться, как только они наскучат, было проще простого. Зато маленьким обитателям Эмайны, видимо, рассказывали совсем другие сказки: вырастая, они то и дело наведывались в Харлер — забавы ради, — а когда возвращались, утаскивали с собой приглянувшихся человеческих девушек. Не спрашивая, хотят они того или нет.

Впрочем, похищения случались немногим чаще любовного сожительства. В Харлере обитала куча людей, в жилах которых текла кровь сидов. Ни тилвиты, ни дин ши не находили ничего зазорного в том, чтобы прожить пару-тройку лет с понравившейся девицей, даже детишек от неё завести... а потом взять и исчезнуть. Вернуться на родину, не зря

прозванную Дивной Страной. И детей забрать с собой, если успели полюбить, а если нет – бросить вместе с матерью.

Как бросили нас.

– Нет, твой случай куда романтичнее, – подумав, резюмировала Гвен. – Он спас её от смерти, ах... выдернул прямо из-под колёс...

– Какая ещё романтика? – Я резко откинула за плечи длинные волосы, лезущие в лицо; ощущение раздражало не меньше разговора, с каждой минутой становившегося всё более дурацким. – Мне повезло, что этот сид оказался рядом, но наверняка больше я его в жизни не увижу.

– И тебя это совсем не огорчает?

– Нет! И мне не хочется вспоминать, как я чуть не погибла в цвете лет из-за собственной глупости и нашей общей нелюбви к правилам дорожного движения! И если ты собираешься весь день обсасывать то, что произошло на этом треклятом перекрёстке, хотя мы собирались смотреть «Кодекс», так и скажи, чтобы я знала, что могу пойти домой и заниматься этим в гордом одиночестве!

Гвен хмыкнула, но всё же достала из кармана графон.

Впрочем, менее хитрым её прищур не стал.

– Мы на какой серии остановились? – мирно уточнила подруга, подвинув коробку с печеньем, чтобы положить на его место серебристую трубку.

...я ненавидела отца. Пусть и не помнила его. Он прожил с мамой больше пяти лет и, по её словам, был не только пре-

красным возлюбленным, но и нежным родителем. И это не помешало ему в конце концов затосковать по дому и бросить как меня, так и женщину, беременную вторым его ребёнком; поэтому мне не хотелось думать, что сид, который меня спас, может иметь с ним что-то общее. В принципе не хотелось думать о сидах. Под самым красивым лицом и самыми красивыми поступками любого из них скрыто одно и то же: жестокость, гордыня и эгоизм, ведь обмануть или предать смертного для них – не обман и не предательство, а уморительная шалость. Всё равно что с котёнком поиграть: раздражить того конфетным фантиком на нитке, позволить схватить его, а потом дёрнуть рукой – и хохотать, глядя на злую мордочку, с которой тот смотрит, как трофей ускользает из-под носа...

– Шестая, кажется.

Убедившись, что мы наконец перевели тему, я сползла с кресла. Магией подтянув к себе потеющую, восхитительно холодную бутылку с газировкой, устроилась на полу рядом с Гвен, облокотившись на медвежью лапу и используя в качестве сиденья одну из валявшихся рядом подушек. Подруга уже развернула полноразмерный голографический экран, прибавила яркость на полную, чтобы сквозь картинку не просвечивала мебель, и ткнула кончиком пальца в иконку браузера. Первым открылся новостной сайт, и заголовок, на который упал мой взгляд, гласил: *«Ликорис снова уйдёт безнаказанным?»* Мелкие буквы ниже услужливо поясняли, что в Динэ недавно обнаружили изуродованный труп моло-

дой девушки, пропавшей два месяца назад, но осмотр тела не дал страже никаких новых зацепок по делу серийного убийцы, прозванного Ликорисом, и теперь...

...вот почему я предпочитаю не читать новости. Ничего хорошего в них всё равно не пишут.

– Дался тебе этот сериал, – всё-таки буркнула Гвен, сменив тошнотворный сайт на вкладку с подписью известного стримингового сервиса. – У тебя тут в реале такое произошло, что любой сериал отдыхает, а ты... Я понимаю, конечно, уважение к памяти предка, бла-бла-бла, но...

Я промолчала. Повернула крышку на стеклянной бутылке – осторожно, чтобы взболтанная газировка не брызнула мне в лицо. Глотнув сладкую гадость со вкусом манго, протянула бутылку Гвен: мы давно уже не стеснялись пить из горла друг за дружкой.

Да, со вчерашнего дня в моей жизни творится такое, что любой сериал и правда отдыхает. Именно поэтому я хотела хотя бы на пару часов забыть об этом.

* * *

Дядя Ахайр вошёл в комнату на самом интересном месте – и палец Гвен моментально метнулся к экрану, заглушая сладострастные стоны, лившиеся из динамиков.

– Привет, пап, – невинно произнесла подруга, свернув браузер.

Отец Гвен возмущённо переступил с ноги на ногу, топнув копытами по порогу:

– Что вы смотрите?!

– «Кодекс Форбидена». Я вам с мамой уже рассказывала, помнишь? Та штука, которую снимали по запискам Лайзинного прадедушки.

– Там вообще всё прилично, – быстро добавила я, – просто главный герой... мой прадедушка... тут как раз арка про то, как они познакомились с моей прабабушкой, и в прошлой серии его возлюбленная едва не погибла от лап оборотня, а потом им долго было не до отношений, но теперь... В общем, вы вошли в тот момент, когда они наконец объяснились, и...

– Привет, Лайза, – вздохнул дядя Ахайр. – Прилично, говоришь? Тогда почему, как я ни войду, у вас на экране то убивают, то насилуют кого-то?

– И вовсе даже не насилуют, а красиво занимаются любовью. В данный момент, – уточнила Гвен. – Просто сериал такой: показывает Викторианскую эпоху и деяния тёмных сил без прикрас. И вообще, на обнажёнку на экране сейчас мода! Это ты ещё не видел, как «Ведьмака» экранизировали – с оргией!

– Вот активирую на твоём графоне родительский контроль, и будут вам Ведьмаки, оргии, Инквизиторы и Лайзины прадедушки, – проворчал дядя Ахайр, отворачиваясь. – Мама зовёт вас чай пить, так что заканчивайте со своим развратом и бегом на кухню.

– Родители, – закатила глаза Гвен, когда глава семейства Хайлин удалился, закрыв за собой дверь. Закинула в рот очередное печенье – за две с половиной серии коробка почти опустела, и в основном её стараниями. – Никогда не замечала такого спецэффекта: если на весь фильм или на весь сериал, который ты смотришь, будет ровно одна постельная сцена, твой строгий папа войдёт в комнату именно в этот момент?

– Не замечала. У меня, если ты успела забыть, нет папы.

В неловкой тишине, расплзшейся над нашими головами, графоном и плюшевым медведем, я почувствовала, как в груди снова заворочался склизкий ком тревоги и страха, подзабытый за бедами и драмами людей, живших задолго до моего рождения.

Наверное, меня должно было утешать, что им – моим предкам – приходилось куда хуже. Внезапный отъезд из дому и брошенная практика не сравнятся с тем, что пришлось пережить моей прабабке, и тем более с кровавыми ужасами, которых за свою карьеру наш знаменитый прадед повидал немало. Да только чужие несчастья не отменяют и не обесценивают твои собственные. Даже если ты понимаешь, что на твою долю выпали несчастья куда менее горькие. Когда тебе без анестезии удаляют зуб, врач может бесконечно твердить *«Радуйся, что не ногу»*, но это не умерит боли.

И я не знала, насколько страшной в конечном счёте окажется та беда, с которой столкнулись мы.

– ...и вообще мне домой пора, – невпопад закончила я, поднимаясь с ковра.

– Что, даже серию не досмотрим?

– Я всё равно это уже смотрела. И задержалась дольше, чем хотела.

Гвен, приуныв, повернула графон к себе; принялась закрывать в браузере ненужные вкладки – и замерла.

– Боги, как же я сразу не вспомнила! – Двумя пальцами взявшись за край экрана, подруга развернула голографический прямоугольник в мою сторону. – Та тварь, которая снилась мне и тебе! Это же Кромешник!

Я пригляделась – и дёрнулась, задев мыском кеда пустую бутылку из-под газировки, заставив её упасть.

Статья была озаглавлена: *«Дюнети – воплощение кромешной тьмы»*. Сразу под заголовком располагалась картинка худощавого мужчины в деловом костюме: чёрный пиджак, белая рубашка, галстук-бабочка... и абсолютно гладкое, без единой черты лицо.

– У меня вкладка про него, наверное, уже месяц висит! Кузина ссылку кинула! Его называют Кромешником, говорят, он – порождение Дикой Охоты, охотится на детей и подростков, и за последние годы его видели по всему Харлеру!

– Он что, фомор какой-то?..

– Никто не знает! Только говорят, что вместо рук у него щупальца, живёт он в лесу и забирает детей, которые ушли гулять без спроса!

Поднимая многострадальную бутылку, я качнула головой, успев взять себя в руки.

В первый миг рисунок и правда меня напугал... да только, присмотревшись, я нашла в нём не слишком много сходства с героем моего кошмара. У существа с картинки голова была лысая, пепельно-серая, с язвами и чуть ли не следами гниения на том месте, где у нормальных людей располагалось лицо. И костюм выглядел вполне обыденно: такие продают в любом магазине вечерней одежды.

– Не похож. – Стекло доньшко звякнуло о дерево, когда я поставила бутылку на стол. – Тот, что мне снился... он весь был из мрака. Ни рубашки, ни пиджака, ни бабочки. И голова была чёрной. Да и щупалец я не заметила.

– Я тоже, – нехотя согласилась Гвен. – Но это же мелочи! Вдруг он умеет облик менять?

– Гвен, ты хоть видела, что это за форум? «Сказки не на ночь». Я пару раз почитывала там байки о клоунах-убийцах, восставших из могилы и отрастивших рога. Если б этот Кромешник-Дюнэтэни правда объявился в Харлере и похищал детей, о таком трубили бы во всех новостях, и на уроках духоведения не преминули бы рассказать, что в учебники пора вносить изменения. Я скорее поверю, что Повелитель Кошмаров сверхурочно выехал в наш бранный мир, чем в какого-то сетевого монстра.

– И то верно. – Свернув экран графона, разочарованная Гвен кинула его на кровать. – Ладно, идём. Я тебя провожу.

Из комнаты выходили в молчании, перед уходом всё же заглянув на кухню. Сбегать, не попрощавшись с родителями Гвен, было бы совсем уж невежливо. Мне стоило немалых усилий убедить тётю Лэйн, что маме срочно нужна моя помощь в одном деле, так что одну чашку её восхитительно-мятного чая с персиковым пирогом я всё-таки выпью, но потом – сразу домой; дядя Ахайр пробовал поддержать любимую супругу и задержать меня на ужин, но не слишком рьяно: первый день рабочей недели явно выдался для отца Гвен не самым простым, и даже любимый пирог он жевал с усталым видом.

– Спасибо за угощение, – расправившись с десертом, сказала я на прощание, тоскливо думая, что в следующий раз приду в этот дом и посижу на этой кухне не скоро. – За ваши кулинарные способности, тётя Лэйн, многие шеф-повара душу бы фоморам продали.

– Льстите вы мне безбожно, мисс Форбиден, но я не против, – улыбнулась мама Гвен. – Ждём тебя завтра. Ахайр заказал мне клубничный торт, думаю, ты от него тоже не откажешься.

Я только кивнула, прежде чем отвернуться: слишком совестно было глядеть в их длинные добродушные лица.

– Завтра же как обычно? – открывая передо мной входную дверь, спросила Гвен.

– Да. В полдень у моего дома.

Каждая новая ложь давалась всё тяжелее.

– Тогда до завтра.

Меня сердечно обняли за плечи – вынудив сглотнуть ком в горле, прежде чем обнять подругу в ответ. Тут же, разорвав объятие, шагнуть вперёд, на крыльцо: так торопливо, точно меня могли удержать.

Шагая по дорожке мимо кустов садового жасмина – прочь от домика с камышовой кровлей, словно сошедшего со страниц старинных легенд, прочь от тепла и уюта, на пару часов заставивших забыть и о неведомой опасности, и о безликой тьме, и о том, что ждёт меня завтра, – я ни разу не обернулась. Ни до того, как услышала стук захлопнутой двери, ни после. Как никогда остро понимая, насколько дорога мне и наша дружба с Гвен, и эти сериальные вечера, и трапезы с её родителями, такими гостеприимными к замкнутой человеческой девчонке.

Надеюсь, когда всё это безумие закончится и я вернусь в Мойлейц, я смогу объяснить Гвен своё исчезновение. Надеюсь, она не обидится на меня настолько, чтобы больше мы никогда не собрались за обеденным столом в её доме.

...если я вернусь...

Я вдохнула жаркий золотистый воздух, подкрашенный солнцем, клонившимся к верхушкам невысоких яблонь в садах, – и, оглядевшись по сторонам, перебежала дорогу, спеша к дому.

Когда я толкнула калитку, Эш сидел на веранде, уткнувшись в свой графон. Наверное, читал что-то: типичное агре-

гатное состояние моего брата.

– Ты собрался? – спросила я, взбегая по деревянным ступенькам. – Как мама?

– Утрамбовал чемодан ещё ночью. – Эш не отрывал взгляда от экрана. Выразительности в его голосе было так мало, что в иных мраморных глыбах отыщется больше, особенно в тех, что побывали в руках умелого скульптора. – Мама весь день притворяется спящей. Даже не ела.

– Эш, если мама не выходит из комнаты, это ещё не значит, что она притворяется. Она плохо себя чувствует и вполне может на самом деле целый день...

– Я время от времени проверяю её странички в соцсетях. Она была онлайн – даже не раз. И точно спит не целый день.

Я растерянно уставилась на корявые яблони за спиной брата: старые деревья росли на участке, уже когда мы его купили.

– Но зачем...

– Хотел бы я знать. Осмелюсь предположить, что она по каким-то причинам не желает со мной разговаривать.

Я нахмурилась. Взялась за ручку входной двери – но, вспомнив кое-что, обернулась.

– Эш, тебе сегодня ночью кошмары не снились?

Брат резко вскинул голову:

– Чёрный человек без лица?

Мы смотрели друг на друга – и склизкий ком, жабой поселившийся в груди, вновь дал о себе знать.

– Он и Гвен снился. – Я сжала дверную ручку до боли в ногтях. Даже если это действительно проделки Повелителя Дикой Охоты, после случая на дороге считать происходящее простым совпадением я уже не могла. – Что за фоморщина?..

– Не знаю. – Эш вновь опустил взгляд на экран. – Но предполагать, что она не связана с нашим неожиданным бегством, глупо.

Какое-то время я смотрела, как он читает – или пытается читать, чтобы не ввязываться в разговор, который всё равно не мог дать никому из нас ни успокоения, ни желанных ответов. Потом, рывком провернув ручку, вошла в дом.

На то, чтобы скинуть кеды и дойти до маминой комнаты, ушло не больше минуты.

– Я знаю, что ты не спишь, – толкнув дверь, с порога требовательно произнесла я.

Солнечный луч, пробиравшийся в комнату сквозь щель между закрытыми шторами, рассекал полумрак узкой золотой полосой. Мама лежала в кровати, отвернувшись к стене. Рамки с нашими детскими фото поблёскивали на комодe, чистый письменный стол ждал, когда за ним начнут работать; в стеллаже покоились на полках контейнеры с костями, картами и поделочными камнями, готовые к моменту, когда их хозяйка начнёт разгребать маленькую очередь из скопившихся заказов.

Если в моей спальне царил бардак – отражение того, чем стремительно оборачивалась моя жизнь, – здесь всё остава-

лось в идеальном, заведённом, привычном порядке, зрелище которого сейчас казалось невыносимым.

– Я понятия не имею, что происходит, – приблизившись к кровати, продолжила я, – но ты должна...

Мама повернулась так, словно ждала этого момента весь день.

Когда я увидела её красные, опухшие, безнадежно заплаканные глаза, все невысказанные слова замерли у меня в горле.

– Ты вернулась. – Мама села. Вцепившись в мои руки, вынудила сесть на край кровати; обняла крепко, будто цеплялась за собственную жизнь. – Лайза, я так боялась... так боялась, что ты...

Судорожный вздох, прервавший фразу на середине, не мог быть не чем иным, кроме как всхлипом.

...мне вдруг вспомнилось, как полгода назад у меня воспалилось ухо. Оно разболелось посреди ночи, когда звонить врачам было уже поздно, а без опасности для жизни ни один не согласился бы принять экстренный вызов. В ухе стреляло так, что я не могла заснуть. Обезболивающее не спешило помогать. Обычно я стоически переношу недомогания, но тут, в конце концов, расплакалась; тогда мама обняла меня – так же, как сейчас – и легонько укачивала, пока я плакала у неё на плече, словно мне снова семь и я реву, рассадив коленку.

Мама всегда защищала меня. Поддерживала. Утешала,

когда я плакала. Это я была слабой, а она – тем, кто может оберегать.

Теперь мы поменялись местами, и это выбивало последние опоры из-под моих ног.

– Мам, что... что происходит? Скажи мне, я... просто... чёрный человек...

– Ты видела его? – Она резко отстранилась; на щеках блещут мокрые дорожки, но между припухших век – ни следа слёз. Будто и не было их. – Человека без лица?

...нет, всё-таки сильная здесь совсем не я.

– Сегодня ночью. Во сне. А потом наяву... кажется. И Эш тоже, и Гвен...

– Гвен? – Серые глаза напротив моих расширились, явив полопавшиеся сосуды во всей красе. – Она-то тут при чём?

– А при чём тут *мы*? – я почти кричала. – Мам, этот монстр... я чуть под мобиль из-за него не попала! Он охотится за нами? Что он такое?

– Мобиль, значит. – Я ожидала в ответ чего угодно, но только не странного, пугающего удовлетворения, проявившегося в её лице. – Понятно. А спас тебя сид?

Ошеломление сбило даже тот рваный пьяный ритм, которым обернулись моё сердцебиение и дыхание после всего, прозвучавшего прежде.

– Откуда ты...

– Я хотела бы сказать тебе, Лайз. – Мама вытерла щёки тыльной стороной ладони. – Всё рассказать, с начала и до

конца. И рассказала бы, если б только могла... но это знание опасно. Оно убивает того, кто его носит. — Меня взяли за плечи, глядя мне в глаза так пристально и мягко, словно надеялись этим взглядом вложить мне в голову то, что невозможно было передать словами. — Вы не должны знать того, что знаю я. Не должны знать ничего об этой твари. Иначе с вами случится то же, что сейчас происходит со мной. Понимаешь?

— Так твоё недомогание... из-за этого?

Когда мама кивнула, я накрыла её руки своими. Зажмурилась — всё ещё недоверчиво.

...любая магия основана на преобразовании энергии. Но чтобы что-то преобразовать, вначале нужно это увидеть — и понять. И то, что я пыталась сделать сейчас, очень походило на работу с картами или с костью: нужно просто забыть о том, что находится в твоей руке или сидит рядом с тобой на кровати, увидеть не камень и не человеческое тело, а сгусток энергии, плещущейся в нём. На уроках работы с энергией живых организмов я редко получала что-либо выше восьмёрки, ибо просканировать такую сложную вещь, как живой источник силы (пускай пока мы упражнялись только с мышами), у меня каждый раз выходило с трудом; но сейчас я обязана была убедиться.

Наверное, с минуту я лишь хмурилась да досадливо стискивала зубы. Затем руку согрело живое тепло чужой энергии, и перед закрытыми веками вспыхнула долгожданная

картинка: золотистые очертания маминого тела.

Любая болезнь видится острым, лихорадочным сиянием – особенно в области того органа, что поражён ею сильнее всего. Любое проклятие похоже на паутину, облепившую человека снаружи: плотная сеть враждебной смертоносной энергии. Но мама... она просто угасала. Блеклое, тускнеющее золото того, кто на ровном месте потерял большую часть своих жизненных сил; уже потерял – и продолжает терять. И не было болезни, которую можно вылечить, или проклятия, которое можно ликвидировать или просто вытянуть прочь.

Что же...

– Вы должны уехать на рассвете. В Фарге вы будете в безопасности, обещаю. – Мамин голос был тихим и деликатным до непривычности. – Собери свой чемодан, Лайз, и мы поужинаем. Все вместе. Поговорим о чём угодно, кроме вашего отъезда, – в долгих проводах лишь больше слёз. Хорошо?

Картинка, сияющая золотом в черноте, пропала одновременно с тем, как мои руки безвольно опустились. Не плакать, только не плакать... Ты должна быть сильной, Лайза. Такой же сильной, как она.

Мама должна знать, что ты тоже можешь быть тем, кто оберегает: и Эша, и саму себя.

– Хорошо.

Отстраняясь, я не стала спрашивать, действительно ли мне почудилось невысказанное «*в последний раз*». Слишком боялась услышать ответ. И, покинув комнату, лишь на па-

ру минут прислонилась спиной к прохладному дубу закрытой двери, кусая костяшку большого пальца, будто это могло умерить жжение в глазах и предательскую дрожь, которой отзывались на моё отчаяние судорожно сжатые губы.

Как ни странно, действительно умерило.

...тогда, конечно, я ещё не в полной мере поняла то, что отчётливо осознала много позже. Вернее, в тот момент я категорически отказалась это признавать, цепляясь за такую глупую, такую детскую надежду на то, что всё каким-то волшебным образом будет хорошо. Но в действительности именно в ту минуту я впервые осознала: никакого маминого звонка на графон, который на полдороге в Фарге велит нам разворачиваться и ехать домой, не будет.

Как и каких-либо её звонков – когда-либо впредь.

* * *

К моменту, как я закрыла крышку чемодана и застегнула её на кодовый замок, за окном густели летние сумерки. Да, порядком я провозилась... Сами вещи собрались быстро. Куда больше времени потребовалось, чтобы приступить к сборам, предварительно загнав дурные мысли, упорно лезшие в голову, в самый пыльный чулан собственного сознания.

Когда я вышла в коридор, под белёным потолком и деревянными арками носился запах чего-то вкусного, пряного, с

оттенком розмарина, поманившего меня на кухню.

Мама всегда готовила так, что мне казалось, будто она танцует. Вот и сейчас: шаг до шкафчика со специями, встать на цыпочки, опуститься, вернуться назад. Изящно приподнять руки, крутя мельничку с приправами. Поклон – вернуть противень с мясом в духовку. Выпрямиться. И всё под тихую, едва различимую песню, которую она мурлыкала себе под нос.

Песня, которой в детстве, где не было ни загадочных угроз, ни чёрных тварей, меня усыпляли не раз.

– Нет, не зови, не зови за собой...

Странно. Кровь сидов текла во мне, но изысканность каждого, самого обыденного движения, присущая обитателям Эмайна, скорее досталась маме. Впрочем, неудивительно: в роду Форбиден когда-то уже затесались сиды, и наш легендарный прадед, жизнь которого теперь служила основой для сериалов, щеголял серебристой шевелюрой дин ши.

Понимаю, почему отец увлёкся подобной красотой.

– Закончила? – Заметив меня, мама осеклась; она причесалась и оделась, сменив ночную рубашку на вельветовые штаны и лёгкую кофту, и сейчас выглядела лишь немного бледной. Это ободряло. – Отнеси чемодан в мобиль, – распорядилась она, помешивая что-то, кипевшее в кастрюльке на плите. – Эш со своим уже разобрался. Заодно укроп нарви для картошки... если не трудно.

Я послушно побрела обратно в комнату. Подхватила че-

модан за выдвижную ручку, и колёсики бодро застучали по полу, пересчитывая стыки между досками винтажного паркета; сняв ключи от мобиля с крючка рядом со входом, покатила собранные вещи в гараж. Щелчок выключателя – и свет заблестел на металлических стеллажах, заставленных коробками со всякой всячиной, и глянцевом капоте нашего скромного семейного хетчбэка «Peugeot», которого мы ласково прозвали «Французиком»: кузов весёленького джинсового цвета, пять мест, просторный багажник и солнечная батарея во всю крышу. Провод зарядника торчал в гнезде над передним колесом, мигавшим зелёным световым индикатором. Наверняка Эш позаботился... Умница. Хоть мы и поедem при свете дня, когда достаточно солнечной батареи, о зарядке лучше подумать заранее.

Прикосновением к дверной ручке я отключила сигнализацию, нежно тренькнувшую в ответ. Подвезя чемодан к багажнику, уложила его рядом с Эшевым; хлопнув крышкой, отряхнула руки и переключила рычажок подле ворот. Жестяная створка медленно поползла вверх: в дом возвращаться было лень, и я решила выйти в сад через гараж.

Ещё до того, как ворота открылись полностью, я пригнулась и, проскользнув под ними, оказалась на улице.

Сиреневые сумерки ласкали кожу бархатом тёплого ветра. Небо казалось вышитым россыпью белого бисера, до того ярко мерцали звёзды на глубокой густой синеве. Пахло остывающим асфальтом и душистым табаком; я вдохнула, успо-

каиваясь, впитывая ароматы летнего вечера – самого обычного... хотя нет, чуточку красивее и прозрачнее обычного. По тропинке, освещённой низкими фонариками на солнечных батарейках, зарядившихся за день, направилась к грядкам с зеленью.

Приблизившись к раскидистой яблоне с недозрелыми плодами, я с удивлением различила у калитки в наш сад три подозрительно знакомые фигуры. Огни уличных фонарей странным образом высветлили шевелюры Гвен и её матери, зато тёмные кудри дяди Ахайра казались ещё темнее.

– Гвен? Тётя Лэйн? – озадаченная, сквозь заросли крыжовника я выбралась на дорожку, ведущую от веранды к калитке. – Что вы...

Они не двинулись с места, и это – тогда я ещё не поняла почему – заставило меня осечься. Все трое стояли, не шевелясь, глядя на освещённые окна нашего дома, и меня как будто не замечали.

Поколебавшись, я приблизилась к калитке, щурясь, всматриваясь в их лица.

Сама не знаю, почему страх пришёл безнадёжно поздно. ...сначала я почувствовала. Тот же омерзительный холод на коже, тот же липкий ужас, сковывающий по рукам и ногам.

Потом – увидела.

Глаза. Ни белков, ни радужек: сплошная чернота. Будто меж ресниц у них колебался тёмный туман.

Я знала эту черноту. И попятилась в тот же миг, как Гвен – вернее, то, что управляло ею, – сунула узкую ладонь в щель между досками калитки: та запиралась на щеколду, и, к сожалению, моя подруга прекрасно знала, как открыть её снаружи.

Рывком отвернувшись, я побежала, чтобы преодолеть расстояние до веранды и все пять её ступеней в несколько бешеных прыжков.

– Мама! – заорала я, оказавшись под родной крышей, судорожно запирая изнутри замки на входной двери. Ещё бы руки так предательски не дрожали!.. – Там... там... Гвен...

Аппетитный уютный запах домашней стряпни теперь казался почти насмешкой.

Мама вышла в коридор одновременно с тем, как я повернула последнюю задвижку. Одновременно с тем, как дверь сотряс удар, от которого по толстому дереву пробежала трещина.

Маской спокойной сосредоточенности, застывшей на её лице, моя мать впервые за жизнь напомнила мне Эша.

– Бери брата. Бегите в гараж. – В левой руке она держала боевую колоду карт: похоже, не только ждала нападения, но и успела неплохо к нему подготовиться. – Уезжайте. Я их задержу.

– Мы никуда без тебя не поедem, – отрезал Эш, выбежавший из спальни на мой крик.

– Поедете. – Мама оттащила меня от двери, чтобы одним

решительным движением задвинуть себе за спину. – Мне всё равно не жить.

Я не успела вдуматься в смысл этих слов: второй удар по двери вывернул её вместе с косяком.

Гвен шла первой. На бесстрастном лице – ни страшной гримасы, ни искажённых злобой черт; закрой она глаза, в которых плескалась тьма, и я не признала бы, что передо мной – не моя подруга. Её родители наступали следом, медленно, но неотвратимо. Копыта цокали по паркету, отзывавшемуся болезненным скрипом, с жуткой синхронностью, в ровном ритме секундной стрелки.

– *Ридер кхорн*, – выплюнула мама.

Одна карта, вырвавшись из колоды, прыгнула ей в правую ладонь. Зажав картонный прямоугольник двумя пальцами, мама дротиком метнула его в незваных гостей. Карта полыхнула фиолетовым сиянием, исчезла – и Гвен упёрлась в мерцающую прозрачную стену, возникшую посреди коридора.

– Лайза, я приказываю тебе: бери брата и беги!

Не-Гвен стояла в узком проходе, с двух сторон огороженном деревянными арками, меж стен, где по кремовым обоям вились коричневые розы. Гладкий смуглый лоб упирался в барьер, зыбким маревом висевший в воздухе, пока её родители держались позади жуткой свитой; чёрные глаза всех троих, не мигая, смотрели вперёд.

Когда они исчезли, чтобы возникнуть вновь прямо передо мной – совсем как тварь, от которой я безуспешно убе-

гала в кошмаре, – мама едва успела призвать из колоды следующую карту. Сработавшее заклятие окатило пришельцев волной красного сияния, отшвырнув назад. Гвен следом за родителями рухнула на пол как подкошенная – и тут же села на колени, пытаясь подняться. Глядя, как лицо подружки заливают кровь, хлынувшая из носа, я понимала: пускай силы твари каким-то образом помогают глейстигам преодолеть чары, которые должны были уже отправить их в нокаут, это даётся им дорогой ценой.

– Лайза, беги, кому говорю!

– Мы тебя не бросим, – сказала я единственное, что в тот момент сумела сказать.

– *Лайза!..*

– Лайза, беги, – прошелестело за спиной. – Это не твоя битва.

Голос с нотками стали в шёлковой глубине показался знакомым – и вынудил меня оглянуться.

Глаза цвета сирени были последним, что я ожидала увидеть под крышей нашего дома. Тем более сейчас.

– Бегите, леди Форбиден. – Знакомый сид шагнул вперёд, к маме, оставляя меня смотреть на серебряные волосы, сзади ниспадавшие почти до пояса. – Вместе с детьми. Я позабочусь о ваших гостях.

Глейстиги встали, неподвижными глазами изучая пришельца с Эмайна: лица всех троих по-прежнему ничего не выражали, но мне показалось, что при появлении сида чёрная

тварь пришла в замешательство.

– Лучше детей увези. Сами они не уйдут. – Мама выхватила из колоды ещё одну карту. – Я всё равно труп, ты знаешь это лучше меня.

– Леди Форбиден...

– Лайза. Эш. Забери их!

...в следующий миг сид снова был рядом. Одной рукой обхватил меня за плечи, другой схватил за руку брата – и поволок нас к двери в гараж.

– Стой! – Я брыкалась, но тщетно: хватка фейри была цепкой, как паутина. – Я никуда не поеду, я...

– Делай, как он говорит, Лайза. – Мама провожала нас взглядом: сизый металл, которого я никогда не видела в её глазах прежде, резал по сердцу отрешённым, обречённым покоем того, кто в мыслях давно простился не только с детьми, но и с жизнью. – Доверься ему. Он будет защищать вас теперь, когда я не могу.

Последнее, что я видела, прежде чем нас утащили за дверь, тут же захлопнувшуюся, – как вслед нам кидают карту, искрящуюся зелёным пламенем, и из-под косяка пробивается изумрудное сияние, заставляя стены дома содрогнуться. Нерушимая Печать... Отныне никто не войдёт в дом, запечатанный маминым заклитием, и не выйдет из него.

Лишь металлического гаража, пристроенного к старой кирпичной кладке, это не касалось.

– Тише. – Сид легко разжал мой кулак – я всё ещё сжима-

ла в нём ключ от мобиля. Распахнул настежь пассажирскую дверцу. Вот я молодец, даже закрыть Французика забыла... – Эш, сможешь увезти сестру подальше отсюда?

Тот молча кивнул, безропотно наблюдая, как сид усаживает меня на сиденье. Я тряслась мелкой дрожью, но не сопротивлялась: уже нет. Понимала, что всё равно бесполезно.

Теперь мы маме не поможем. Никак. Сколько бы ни пытались прорваться обратно в дом, туда, где она сражалась с неведомой тварью. Эта Печать не зря звалась Нерушимой.

Если только...

– Ты же сид. Вам многие людские чары нипочём, – скороговоркой произнёс Эш, озвучивая мои мысли. – Тебе под силу вернуться в дом? Спасти маму?

– Этим и собираюсь заняться, как только уверюсь, что вы в безопасности. – Фейри кинул брату ключ, который чуть раньше выцарапал из моих ослабевших пальцев. – Вперёд. И не останавливайтесь.

Эш без слов рванул к водительской двери.

...тихо, Лайза, тихо. Из сида, тем более дин ши, боец выйдет получше твоего. А вы с братом всё равно лишь мешались бы под ногами да играли роль мишеней, что требуется защищать.

Ещё бы самой поверить в доводы, казавшиеся такими убедительными...

Магнитола завелась сама собой одновременно с мобилем, огласив салон издевательски уместной Carnival of Rust. Ко-

гда мы выехали из гаража – задним ходом, прямо к деревянным воротам в сад, не тратя времени на то, чтобы открыть их, – мои застывшие глаза потерянно глядели перед собой, пока солист Poets of the Fall спрашивал из колонок, молюсь ли я в час нужды. Сид пару секунд ещё наблюдал за нами: лунные одежды обитателя Дивной Страны дико смотрелись среди алюминиевых стеллажей и тонких стен, обшитых сайдингом. Затем снова исчез, растворившись в полутьме.

Снеся ворота, Эш круто вывернул руль, разворачивая машину, и Французик повёз нас прочь из города по пустынной дороге.

Я уставилась в зеркальце заднего вида на улицу, залитую призрачным светом фонарей, и дом, остающийся позади. Слова песни казались глухими, словно уши накрыли подушкой, яркая подсветка сенсорной панели рядом с рулём расплывалась в горячем мареве, заволочившем глаза. Странно – слёзы, которых я даже не чувствую, а кроме них – ничего. Ни боли, ни страха. Будто все чувства враз замёрзли, если такое вообще реально.

...реально. Да. Вот почему я не испытываю ни боли, ни страха: потому что со вчерашнего вечера мною владело изнуряющее, навязчивое ощущение нереальности. Сна, от которого не можешь проснуться.

Лишь бы в какой-то момент открыть глаза – и обнаружить, что ничего этого не происходит, не происходило, не произойдёт никогда...

Когда сам дом уже скрылся из виду, я всё-таки оглянулась.

Миг спустя где-то над нашим садом беззвучно взметнулось огромное облако дыма и синего огня.

Когда-то

– Смотри не засиживайся!

Обычная квартирка в многоэтажном доме. Певунья, несколькими часами ранее расставшаяся с сидом по имени Коул, идёт по коридору с рыжими стенами, пока в спину ей летит строго-заботливый крик.

– Конечно, мам. – Девушка дёргает ручку двери в свою спальню.

– Знаю я тебя, опять до пяти утра будешь...

Она закрывает дверь с окошком из матового стекла, и та заглушает любые звуки снаружи. Щёлкает выключателем, и лампа высвечивает белые стены, которые мгновенно покрывают завитушки плюща, зеленеющего на салатовом фоне, – и не скажешь, что лишь иллюзия настоящих обоев. Голограмма хитро ложится под плакаты, с которых на хозяйку комнаты смотрят Дэвид Боуи, Фредди Меркьюри и группа Scorpions в полном составе; на пластиковом столе в художественном беспорядке разбросаны учебники, карты Таро и зернистые кристаллы необработанных аметистов.

Подняв декоративные подушки, раскиданные по мшистому ковру, девушка кидает их на кровать. Подходит к окну

– огромному, во всю стену: отражения небоскрёбов разноцветными звёздами бьются в каплях дождя на стекле. За ним мерцает огнями города фиолетовая ночь, и далеко внизу поток мобилей сверкающей рекой течёт по умытой ливнем дороге.

– Интересный у вас мир, Вэрани...

Когда она рывком оборачивается, Коул сидит на кровати поверх покрывала, поджав под себя босые ноги.

Сид улыбается – той же улыбкой, от которой делается одновременно тепло и холодно.

– Как ты... – растерянность и возмущение заставляют девушку почти задыхаться, – здесь...

– Пришёл следом за вами. Нам нетрудно оставаться невидимыми и неслышными для смертных. – Сид опускает на ковёр ступни, белые и чистые, словно выточенные из фарфора, и выпрямляется натянутой струной. – Прежде чем вы позвёте на помощь родных, молю выслушать меня. Хочу предложить вам сделку.

Хозяйка комнаты отступает к двери – не напуганная, но даже у каменных статуй в лицах зачастую больше эмоций:

– Никаких сделок. Только не с тобой.

– Вы всё же боитесь меня? – печальные слова не вяжутся со смехом, пляшущим в его глазах. – Отчего? Я не сделал вам ничего дурного.

– Весь кредит доверия, что когда-то был у моего народа к вашему, вы исчерпали давным-давно. А теперь – вон, пока

я не закричала.

– Я знаю, Вэрани, что вы думаете о Дивном Народе. Я немало прочёл ваших сказок и песен. Но большую часть тех историй о нас, что вам известны, писали люди, и вы никогда не будете знать, сколько правды в том, что они поведали.

– Да ну? – Её голос почти бесстрастен, зато взгляд отвечает сиду насмешкой. – Хочешь сказать, вы не обманывали людей? Не карали мой народ за то, что вам казалось неучтывым? Не крали чужих невест, не заключали сделки, в результате которых в выигрыше всегда остаётесь только вы? Вроде той юной леди, умершей раньше срока, которую вы вернули к жизни, забыв уточнить, что до конца этой жизни она будет коротать ночи в Дивной Стране и украшать собой ваши балы? Или другой леди, что вашими стараниями вернулась с того света, только чтобы кончить свои дни в сумасшедшем доме?

– Сделки всегда заключают две стороны. Люди идут к нам за тем, что не могут получить больше нигде. Мы выполняем то, чего от нас просят, и берём плату, обещанную нам. Вина людей в том, что они доверчивы... и скупы. Они желают несбыточного, но забывают, что плата за чудо будет равноценна этому чуду, и слышат в наших словах то, что в глупости и жадности своей хотят услышать. А после, понимая, *что* в действительности они приобрели и какой ценой, возмущаются, что с них по справедливости взяли за то, чего не купишь ни за какие деньги. – Его речь успокаивает, баюкает

и влечёт; так звучали бы лесная прохлада, вересковая сладость и солнечный мёд, если б они только могли звучать. — Мы не просто так берём с вас плату, Вэрани. И мы не боги, хотя вам хочется в это верить. Лишь жизнью можно купить жизнь. Лишь боги могут воскрешать без последствий. Впрочем, в последнем я и то не уверен... Жизнь и смерть переплетены друг с другом так тесно, что едва ли кто-то может заменить нитку в их полотне, не распустив его целиком. Всё в этом мире находится в слишком хрупком равновесии, чтобы чудеса, рушащие его баланс, можно было творить безвозмездно.

— Но вы не предупреждаете, что продаёте бракованный товар, и морочите людям головы. А одна из вас вообще превратила сэра Гавейна в карлика просто за то, что тот не заметил и не поприветствовал её, проезжая мимо.

— Он ехал по её лесу. Вторгнувшись в чужой дом без приглашения, вы ведь не думаете, что можете просто пройтись по нему и выйти, избегнув встречи с его хозяйкой? И если хозяйка увидит вас, не будете удивлены, что на вас рассердились?

В воцарившемся молчании её взгляд перебегает с лица сюда на его опущенные руки, словно она надеется, что его ладони скрывают ответ, который она не может найти.

— Вэрани, я не спорю, что иные мои сородичи пользуются вашей нуждой и вашей доверчивостью. Иные из нас берут без разрешения то, что им не принадлежит, иные коварны

и злы... как и люди. Но судить весь народ по отдельным его представителям – не думаете, что это тупиковый путь? – Он не дожидается, пока она подыщет нужные слова; в его собственных слышится мягкость шёлка – или паутины, из которой кажутся сотканными его одежды. – Мы – не люди. Мы иные, и у нас свои законы, которые вам видятся непостижимыми. Но постичь их не так сложно, если вы готовы смотреть, слушать и принимать услышанное. Вы потратили века и бесчисленное множество сил, чтобы узнать, как устроен ваш мир, и вывести закономерности, по которым живёт природа. Вы не гневаетесь на неё за то, что в реке, дарующей вам живительную влагу, можно утонуть, а огню, хранящему вас от холода, под силу спалить ваш дом дотла. Мы к природе куда ближе вашего. Мы сами во многом – стихия. Иные из нас гневливы и вспыльчивы, как пламя, иные грозны, как шторм; но есть и те, кто ласков, как тихий летний дождь, кто мудр, как вековые леса, кто добр и светел, как весеннее солнце, выглядывающее из-за горизонта на рассвете. Кто-то найдёт людские страдания смешными и сделает всё, чтобы они приумножились, а кто-то поможет тому, кому нужна помощь, и оплатит за маленькое благо благом, стократ большим. Я могу припомнить немало историй о жестоких и лживых представителях рода людского... и тем не менее, глядя на вас, я не сомневаюсь, что вы честны и добры. И не причините зла ни мне, ни тому, кто слабее вас.

Она по-прежнему молчит. Только пальцы, до его речей

тянувшиеся к дверной ручке, чуть опускаются.

– Я мог бы сказать, что взамен на мою просьбу исполню ваше сокровенное желание, или посулить вам силу, которой будут страшиться многие, но едва ли вы мне поверите. И едва ли вам это нужно. – Сид достаёт из котомки, перекинутой через плечо, замшевый кошель. – Потому я предлагаю это, а взамен прошу лишь одного: гостеприимства.

Он кидает девушке мешочек, звякающий, словно внутри стеклянные шарики. Та машинально ловит подношение; не опуская взгляда, не намереваясь ни на секунду выпускать незваного гостя из поля зрения, на ощупь развязывает витые шнурки, стягивающие горловину.

Затем всё же отводит глаза, глядя на то, что её пальцы достают из замшевого плена.

Крупный рубин восхитительной огранки искрится в электрическом свете – и, щурясь, девушка вертит его в руке, пока на коже её вспыхивает магическая печать.

– Настоящий, – недоверчиво произносит она спустя пару секунд. – И чистый... без посторонней магии, во всяком случае.

– Конечно, настоящий. Мужчины рода Дри не обманывают. Не лгут. Не причиняют вреда беззащитным.

– Считаешь меня беззащитной? – Она усмехается, пока сияющие линии на её руке медленно гаснут. – Не суди по внешности.

– Самое прекрасное – всегда самое беззащитное. Розы

отрастили шипы, но это не спасёт от тех, кто захочет срезать их, запасшись острыми ножницами. – Коул кивает в сторону стола, где аметисты перемигиваются с люстрой сиреневыми отблесками. – Полагаю, камням такой чистоты вы найдёте даже более полезное применение, чем безыскусная продажа.

Девушка косится на него из-под каштановой чёлки. Наклоняет ладонь, и рубин скатывается по её пальцам обратно в мешочек – к другим камням, которых в нём, судя по звуку, не один и не два.

– И что же ты хочешь от меня за эти сокровища, Коул из рода Дри?

– Вы первая, кого я встретил в Харлере. Вы вызвали у меня... доверие. По многим причинам. А мне нужен проводник. Тот, кто ознакомит меня с вашим диковинным миром. Будьте рядом во время моих прогулок по городу, пока я не вернусь домой... не волнуйтесь, я едва ли задержусь здесь дольше чем на десяток дней. Рассказывайте о том, чего я не знаю сам. Показывайте те места, что вы сами считаете удивительными. Обеспечьте пищей и питьём. Вот всё, чего я прошу.

– Всё? – Она хмурится, и густые чёрные брови галочкой съезжаются на переносице. – Где ты будешь жить?

– Точно не в... как это у вас называется... отелях? Да, кажется, так. – Сид улыбается, распознав её капитуляцию ещё прежде, чем она признаётся в этом себе. – Не беспокойтесь, Вэрани. Таким, как мы, нетрудно найти пристанище от непо-

годы. — Он подходит ближе, неся с собой запах дождя, листвы и горного ветра; при каждом шаге ковёр приминается так, словно под босой ногой мох, но стоит гостю из Дивной Страны сделать следующий, как иллюзия развеивается. — Каждый день я буду ждать вас на том месте, где мы встретились впервые. Каждый день я хотел бы видеть по одному чуду людского мира, что не найдёшь на Эмайне. Условие, впрочем, необязательно к выполнению, а камни в любом случае уже ваши. Хотя бы в качестве платы за моё бесцеремонное вторжение в ваш дом. Но если вы всё же смилостивитесь над бедным странником и готовы пожертвовать ему несколько дней вашей жизни...

Девушка смотрит на протянутую ей узкую ладонь.

После долгих, очень долгих раздумий вкладывает в его руку свою.

— Вэрани, — произносит она, отдёргнув пальцы, едва ощутив скрепившее сделку рукопожатие. — Это по-вашему значит «певчая птичка», кажется?

— Верно.

— Не пробовал спросить моё имя вместо того, чтобы придумывать мне клички?

— Имя — не главное. Главное — суть. Думаю, я постиг вашу.

Рассеянным, неосознанным жестом она поднимает руку, чтобы коснуться своей правой ключицы; вернее, места чуть ниже ключицы, скрытого плотной тканью футболки.

— Суть мою он постиг, — бурчит девушка миг спустя, от-

ворачиваясь. – И почему я на это подписалась, ума не приложу...

Коул не отвечает, и, когда молчание затягивается, это вынуждает её обернуться.

Сида уже нет. Лишь призрачный мох да ароматы леса и волшебства тают там, где он только что был, возвращая комнате ту обыденность, которой неизбежно пропитывалось всё в мегаполисе, где гостям из Дивной Страны не место.

Девушка хмыкает – не слишком удивлённо. Смотрит на замшу в своей руке.

– А с чего я вообще должна завтра куда-то идти? – говорит она рассеянно. – Он же сам сказал, что камни и так мои. А рукопожатие – это тебе не магический контракт, фактически я ему ничем не обязана...

Некоторое время она ждёт ответа от пустоты. Потом, убедившись, что сид действительно исчез – или просто не собирается продолжать разговор, – прячет кошель в нижний ящик стола, тщательно заваливая его тубиками с косметикой под разноцветным взглядом Зигги Стардаста, который следит за ней со стены.

Опускается на кровать в раздумьях – уже не показных.

* * *

Следующим утром солнце роняет тонкие косые лучи на лютики, чернику и тропинку под буками, по которой снова

идёт девушка, быстрыми целенаправленными шагами меряя землю, высохшую за ночь от летней жары.

На сей раз девушка не поёт, и светловолосая тень не выскальзывает из-за дерева ей навстречу. Сид просто возникает под одним из буков, когда певунья подходит достаточно близко: будто рисунок, проявляющийся на стыке лесной полутьмы и света, просеянного сквозь листву, стоит взглянуть на него под нужным углом.

– Вы всё-таки пришли.

Коул сидит на траве, прислонясь спиной к стволу, не щуря глаза на солнце, льющее бледное золото на его радужки.

– Как ты совершенно справедливо заметил, я честна и добра. А даже если б не была, после такой бессовестной лести любой захотел бы соответствовать ожиданиям. – Скинув с плеча рюкзак, она достаёт оттуда шуршащий картонный пакет. – Ты просил пищу и питьё. Понятия не имею, что вы едите, но я захватила бутерброды и сок. Захочешь пообедать, купим что-нибудь в городе на твой вкус. Я продала один камень, так что денег на карте у меня теперь хватит, чтобы накормить маленькую армию.

– То, что я ем обычно, я могу отведать и дома. – Он принимает пакет с видом, словно ему поднесли драгоценный кубок. – Благодарю.

Девушка тоже садится на траву – чуть поодаль, на небольшом, но безопасном расстоянии, скрестив ноги в джинсах. Смотрит, как сид ест ломтики магазинного хлеба для сэнд-

вичей с арахисовой пастой, запивая их яблочным соком из стеклянной бутылки: даже это затрапезное зрелище в его исполнении выглядит так, будто он вкушает неземные яства, сидя на заповедной поляне волшебного леса, где каждую ночь колокольчиком звенит смех танцующих фей.

Впрочем, этот лес с его появлением точно стал капельку более волшебным.

– Кино или океанариум? – спрашивает она, когда пакет и бутылка возвращаются в рюкзак опустевшими.

– Мне неизвестно и то, и другое. – Сид отряхивает тонкопалые руки от крошек. – На ваш выбор.

– Значит, кино. – Девушка поднимается с земли расправленной пружиной за миг до того, как он делает то же – куда более плавно, куда менее нервно. – Надеюсь, если диснеевские мультфильмы понятны детям, тебе тоже подойдут. Идём.

На сей раз они покидают лес рука об руку. И только старые буки, не раз видевшие начало подобных сказок, шепчут им вслед, напоминая, что и у самых красивых сказок может быть печальный конец, – лишь затем, чтобы их в который раз никто не услышал.

Нынешнее время

Эш остановился в городке под названием Мулен, на одной из центральных улиц, рядом со светлым кирпичным здани-

ем, украшенным неоновой вывеской «Отель “Мельница”».

Скользнув пальцами по сенсорной панели управления, брат выключил мобиль. Магнитола, за время пути успевшая воспроизвести с флешки почти полную дискографию Поэтов и переключившаяся на Imagine Dragons, наконец умолкла. Я следила за рукой Эша: прежде чем погаснуть, цифровые часы успели показать половину четвёртого ночи.

Стало быть, мы ехали больше пяти часов. И всё это время молчали.

– Вылезай, – сухо бросил Эш, прежде чем привычно перелезть на заднее сиденье, чтобы я могла выйти через водительскую дверь. Я повиновалась с покорностью сомнамбулы: в сердце и мыслях царила звенящая пустота.

Не думать. Ни о чём. Или о чём угодно, но не о сгоревшем доме. Не о том, как я орала *«разворачивайся!»*, перекрикивая музыку, а Эш только жал на педаль акселератора, глядя перед собой застывшими глазами, похожими на синие стеклашки, и увозил нас прочь от родного сада, полыхающего сапфировым...

...нет, вот об этом точно не нужно думать.

Чемоданы из багажника вытаскивали всё в том же молчании. Воздух был тёмным, тёплым и густым, улицы – пустыми: только фонари таращились оранжевыми глазами на невысокие каменные дома. В этом маленьком провинциальном городке с тихим зелёным центром легко было представить, будто мы и не уезжали никуда; напротив отеля как раз

шелестел парк, зазывая кованой аркой входа, очень похожей на ту, что украшала центральный парк Мойлейца. Эш щёлкнул кнопкой на брелке, активируя сигнализацию, Французик отозвался умиротворённой трелью – и, громыхая колёсиками по асфальту, мы повезли багаж ко входу в гостиницу.

Судя по готической резьбе на стенах холла, обшитых деревянными панелями, отель то ли строили пару веков назад, то ли старательно стилизовали под таковой. За стойкой регистрации сидела девушка с модным омбре на коротких чёрных волосах. Когда мы вошли, она, зевая, обрабатывала ногти стеклянной пилкой, но, услышав звук дверного колокольчика, подняла взгляд и тут же расплылась в улыбке:

– Добрый вечер. Что...

– Комнату. – Эш выложил на дубовую столешницу мою банковскую карту и пластиковые прямоугольники наших паспортов. – На двоих. На ночь. Уедем завтра утром.

Не знаю, что вызвало у администратора большую оторопь – то, что из нас двоих с ней заговорил двенадцатилетний мальчик, или то, что таких суровых двенадцатилетних мальчиков она в жизни ещё не встречала, – но улыбка её заметно поблекла к моменту, как девушка взяла мой паспорт, длинными ногтями царапнув тёмное дерево.

– Завтра днём, вернее, – поправила я. – Во сколько у вас выезд постояльцев?

– В десять утра.

– Тогда оплачиваем ещё и завтрашний день. – В ответ на

вопросительный взгляд брата я тихо пояснила: – Надо кое-что сделать, до десяти утра вряд ли управлюсь.

Графоном считав с карточек-паспортов информацию о нас обоих, девушка вставила кредитку в прорезь серебряной коробочки кассового аппарата. Подвинула её в нашу сторону, ожидая, пока владелец карты предъявит отпечаток пальца; я послушно коснулась сенсорного дисплея, аппарат замигал зелёным огоньком, и буквы на экране уведомили, что операция успешно завершена.

– Номер тридцать семь, третий этаж. – Кредитку и паспорта Эшу вернули уже вместе с магнитной картой от комнаты. – Все номера оборудованы системой «умный дом». Приятного пребывания в «Мельнице».

Сунув карты в рюкзак, Эш молча подхватил чемодан и покатил его к лифту. Администратор к отсутствию ответных любезностей отнеслась с вышколенной вежливостью и, продолжая дежурно улыбаться, вернулась к маникюру.

– Спасибо, – всё же сказала я, прежде чем нагнать брата.

Лифт, прятавший за винтажными деревянными створками обычную современную кабину, только успел разогнаться, как уже пришлось тормозить. Двери открылись с мелодичным звоном, и взгляду предстал широкий коридор со светлыми стенами, освещёнными вычурными настенными лампами. Неслышно прокатив чемоданы по красной ковровой дорожке, мы встали перед дверью с медной, позеленевшей от времени ручкой и серебряными цифрами «37»; магнит-

ный замок по соседству с этим смотрелся немного странно. Эш сунул карту от комнаты в щель, замок тихо пискнул – и ручка, щёлкнув, провернулась сама собой.

Внутри ждали всё те же деревянные панели, две узкие кровати в алькове, украшенные резьбой по сосновым изголовьям, люстра с лампочками в виде свечей и пушистая серая шкура с волчьей пастью, скалящейся на паркете. Полное погружение в эпоху Тюдоров.

– Так что тебе нужно сделать завтра? – спросил Эш, задвинув чемодан под одну из кроватей.

– Прикупить кое-что. – Я опустилась на другую, расшнуровала кеды и легла, не раздеваясь, глядя в потолок. – Для самозащиты.

Я услышала, как скрипнули пружины, когда Эш сел на постели – а может, тоже лёг.

– Лайз, нам нужно снять деньги с твоей карты, – голос брата был спокоен, как гладь колодца. – Нас будут искать. Поскольку мы не знаем, как объяснить то, что произошло с нашим домом, лучше, чтобы нас не могли найти. И отсюда уехать, как только сможем. Ещё надо поменять графоны и номера на Французике: я отключил в нём доступ к Сети, теперь нас могут выследить только по номерам. Сможешь?

– Я... не знаю. Попробую. – Я чувствовала, как по телу свинцовой тяжестью разливается усталость, прежде вытесненная отчаянной пустотой. – Может, нам всё-таки обратиться в стражу, вместо того чтобы прятаться от неё?

– Лайз, мама сказала, мы должны держать всё в тайне. Не посвящать посторонних.

– Даже если случится *такое*?

– Ты знаешь нашу маму. При всей её гордости она не геройствует понапрасну. И тем более никогда не подвергла бы опасности нас. Будь у неё хоть одна возможность обратиться за помощью, она бы ею воспользовалась. Если не воспользовалась, значит, на то есть слишком весомые причины, чтобы мы могли ими пренебрегать.

...это знание убивает того, кто его носит...

Верно. Мама угасала, потому что ей была известна правда. Хочу ли я, чтобы стражников, которые будут расследовать это дело, пытаясь узнать то же, что знала она, постигла такая же участь? А потом – нас, когда нам всё расскажут?..

Я сжала кулаки. Повернула голову: Эш тоже лежал на кровати, глядя на люстру. В джинсах, футболке и носках – как ехал, так и лёг, только кроссовки снял. Ни он, ни я даже до ванной не удосужились дойти: сил хватило лишь на то, чтобы добраться до поверхности, на которую можно лечь, и сохранять хоть какое-то подобие спокойствия.

– Эш, я понимаю, почему ты не развернулся. Там, у дома. Но мы *должны* были развернуться. Мама... Сид сказал, что поможет ей, она наверняка выбралась наружу и...

– И тогда помимо сида ей помогли соседи, – бесстрастно ответил Эш. – Да. Наверняка. Потому я и не развернулся. – Брат прикрыл глаза. – Я тоже хочу так думать.

Какое-то время я смотрела на его лицо, казавшееся совсем взрослым.

Протянув руку через узкий проход между кроватями, сжала кончики его пальцев – Эш вздрогнул, не ожидая прикосновения.

– С мамой всё хорошо. Слышишь?

Брат благодарно кивнул:

– Да. Конечно.

Я крепче стиснула его ладонь своей. Держала её, пока дыхание Эша не выровнялось и сон не разгладил его лицо выражением, куда более подходящим ребёнку, пусть даже смертельно уставшему.

Лишь тогда, тихонько выпустив его руку, отвернулась.

– Выключить свет, – велела я негромко, ни к кому не обращаясь. Когда люстра послушно потухла, легла лицом вниз – и, жмуря глаза, которые жгло раскалёнными углями, закусила зубами подушку, чтобы не разбудить Эша глухими скулящими всхлипами.

Потому что верить в то, что мама каким-то чудом спаслась, было ещё возможно. А вот в то, что аналогичное чудо случилось с Гвен и её семьёй, – почти нет.

* * *

В полдень следующего дня я непринуждённо поздоровалась с администратором и покинула отель, стараясь напу-

стити на себя беззаботный вид обыкновенной туристки. На миг обернувшись, увидела, что Эш следит за мной из гостиничного окна: мы решили, что лучше мне сходить одной, избегая лишнего внимания. Когда нас начнёт разыскивать стража, обычную девчонку в джинсах и хлопковой рубашке могут и не припомнить (по такому случаю я не надела ни одну из любимых футболок, принты на которых смело можно было считать особой приметой), а вот девчонку с маленьким братом, очень смахивающим на тилвита, запомнят наверняка.

Я махнула Эшу рукой и отвернулась, не дожидаясь ответа – всё равно едва ли дождусь. Достав графон, открыла гугл-карты, выстроившие маршрут до пункта назначения; рука машинально потянулась проверить соцсети, но я вовремя отдёргнула палец, уже готовый щёлкнуть по иконке Инстаграма. Впрочем, Эш ещё ночью, проснувшись от тревожного сна, вышел из всех мессенджеров и аккаунтов что на своём, что на моём графоне и отрубил нам сотовую связь, оставив только приём Wi-Fi (благо спутники обеспечивали доступ к Сети даже за пределами городов). Отвечать на сообщения, которыми к этой минуте наверняка завалены наши лички, мы не могли, да и звонки от обеспокоенных знакомых и соседей были ни к чему. Удивительно, что нам не названивали по дороге, но, видимо, мама, выбравшись из дома, успокоила окружающих, что мы с братом в безопасном месте. Или в первые часы все попросту были уверены, что младшие Фор-

бидены остались в горящем доме и на звонок в любом случае не ответят.

Я предпочитала верить в первый вариант.

Приложение велело мне перейти дорогу и войти в парк, где царила ленивая умиротворённость погожего летнего дня. По тенистым аллеям, присыпанным гравием, прогуливались мамочки с колясками и, смешно переваливаясь, топали голуби. Под липами пестрели крыши передвижных ларьков со сладостями, подле которых улыбались владельцы-торгаши, предлагая сладкую вату, жареные каштаны и яблоки в карамели. Расплачивались с ними как наличными, так и карточками – что ж, хоть яблоками в карамели в крайнем случае будем питаться... Во многих магазинах наличку уже не принимали, и найти в Мулене тот, где можно расплатиться монетами, оказалось не так легко. Надеюсь только, в крупных городах дела обстоят получше.

Мои размышления прервал бесцеремонный толчок в живот – и врезавшаяся в меня крошечная девочка-глейстиг, не устояв на копытцах, упала спиной назад.

– Ох, прости! – Я кинулась к ней, помогая встать. – Сильно ушиблась?

Ей было лет шесть; она пыталась смягчить падение руками, но лишь ободрала ладошки о гравий. Волосы тёмные, прямые, зеркально-гладкие – больше похожие на лошадиную гриву, чем на человеческую шевелюру. Оленьи ножки оголял короткий сарафан в цветочек, обиженные ореховые глаза до

боли напоминали о взгляде Гвен.

– Ничего, заживёт, – буркнула кроха, сжимая кулаки.

Когда она разомкнула пальцы, на каждой расцарапанной ладони горел крохотный золотой огонёк, похожий на светлячка. Озарив ссадины тёплым светом, колдовские искры на глазах заставили те затянуться – и, мигнув, тоже исчезли.

– Такая маленькая, а уже умеешь исцелять? – уважительно произнесла я.

– Я не маленькая! А вы в следующий раз смотрите, куда идёте!

– Прости, прости. Хочешь, яблоко куплю в качестве извинения? Или вату?

– Яблоко, – подумав, смилостивилась девочка.

Стараясь не вспоминать, что мне ни к чему лишние операции с банковским счётом, я подвела малышку к ближайшему ларьку с яблоками и протянула продавцу карточку. Получив сладость, кроха мигом повеселела и ускакала к карусели, кружившей детей на соседней аллее, а я, успокоив совесть, продолжила путь к банкомату. Ладно, в конце концов, покупка яблока в карамели страже ничего не даст: парк неподалёку от отеля, где мы всё равно предъявили паспорта, потом я могла пойти куда угодно, а последней операцией с моим счётом в любом случае станет перевод всех средств в наличные...

Я и не знала, что глейстиги умеют пользоваться даром почти с пелёнок. Гвен пару раз исцеляла себя и меня, когда мы

резали пальцы, и у неё светлячков призывалось не двое, а штук десять, но ей и лет было побольше, чем этой девчушке. Везёт фейри: даже учиться особо не надо, чтобы колдовать. Глейстиги – прирождённые целители, брауни – механики, селки¹³ мало того что в тюленей превращаются, так ещё с водной стихией ладят как никто... Только вот баньши не позавидуешь: читать чужую смерть по линиям руки – сомнительное удовольствие. Говорят, особо сильным баньши и на руку не нужно смотреть, достаточно взглянуть человеку в лицо – и не хотелось бы мне, выйдя на улицу, видеть смерть каждого прохожего. Правда, такие баньши встречались редко... даже реже, чем глейстиги, способные своими светлячками излечить что-то посерьёзнее царапин и лёгких ожогов.

Интересно, какой силы в итоге стал бы дар Гвен?

...Гвен...

Я почувствовала, что задыхаюсь – среди людного парка, в свежем воздухе липовых теней, вместо которых я снова видела бесстрастное смуглое лицо и чёрную тьму меж светлых ресниц.

...нет, не думать о Гвен, не думать, не...

Перебежав дорогу, я завернула за угол, чтобы наконец найти на стене дома вожаденную сенсорную панель банкомата.

¹³ Брауни в английском фольклоре – домовые фейри, небольшие человечки ростом около 90 сантиметров. Селки – в шотландском и ирландском фольклоре морские фейри, прекрасные люди-тюлени.

Вскоре в тканевый мешок, где обычно я хранила украшения, хлынул поток монет. Аппарат отсчитал семьдесят шесть золотых кругляшков по сто гинэ¹⁴, тридцать два серебряных по пятьдесят, восемь медных монеток по десять пини – и для такого богатства явно требовался кошель побольше. Видимо, мама перевела часть средств со своей карточки на мою. И когда успела?.. Наверное, тогда же, когда сунула свою карточку в рюкзак Эша: брат обнаружил её только сегодня, как раз перед моим уходом.

Обналичить средства с той карты тоже не помешает. И поскорее, пока счёт не заблокировали. Но не всё сразу.

Убрав деньги в одолженный у Эша рюкзак, я достала из кармана джинсов графон и нашла на карте следующий пункт назначения. Выстроив маршрут и дождавшись указаний приложения, побрела навстречу редким прохожим по узкой пешеходной улочке, вымощенной брусчаткой, залитой душным солнцем. Машинально взъерошила чёлку: волосы успели нагреться не хуже тёмной гальки на полуденном пляже.

...что ждёт нас с Эшем в Фарге? Что защитит нас от опасности, которая убивает одним лишь знанием правды о ней? И при чём тут этот странный сид? Может, он и вправду друг отца – кому ещё мама могла доверить заботу о нас с Эшем. Но если это так, слепо доверять ему мне хотелось ещё меньше. Как и ехать в дедушкин дом, не понимая зачем.

¹⁴ Основная денежная единица Харлера, равная ста пини.

С другой стороны, что я могу сделать – кроме того, что мне велено?..

Мой взгляд бесцельно бродил по нагретым камням дороги, невысоким домам, явно выстроенным ещё в прошлом столетии, и маленьким деревцам магнолии, зеленевшим в просторных дубовых кадках прямо среди брусчатки.

Эта чёрная тварь... Не чем иным, кроме как порождением Дикой Охоты, она быть не может. Неужели правда Кромешник-Дюнэтэни, персонаж сетевых страшилок?.. Но всю дорогу до Мулена я искала в сети информацию о нём, коей оказалось море (Кромешник был очень популярен среди любителей ужастиков) – и не нашла ни одной реальной фотографии. Ни одной картинки, где у него было бы чёрное лицо. Ни одного упоминания на серьёзных сайтах по духоведению и ни одной истории, где Кромешник овладевал другими людьми. Может, конечно, эту тварь вообще нельзя сфотографировать: там, на дороге, чёрную мерзость видела я – и никто больше. Да и встретить чудище во сне – одно, а доказать его существование – совсем другое. Вроде бы убийства Кромешнику приписывали вполне реальные: сразу несколько людей видели его в кошмарах, а спустя пару дней погибали в несчастных случаях...

Глаза наконец сфокусировались на стилизованной деревянной вывеске магазинчика «Магия камней».

Стеклянные двери услужливо раздвинулись передо мной. В полумраке лавки подсветка витрин казалась особенно яр-

кой – как и блеск тысяч сверкающих граней, бивших свет на мириады пёстрых искр. Я прошла мимо застеклённых шкафчиков с аметистами и малахитом, алмазами и рубинами, глядя на ценники: за драгоценные камни просили не меньше четырёхзначной суммы, и я понимала почему. Каждый из них являл собой потенциальное оружие потрясающей силы – в драгоценных камнях изначально заключён огромный запас магической энергии, а огранка опытного ювелира способна придать им не только красоту, но и сногшибательную мощь. Правда, работать с такими сокровищами (во всяком случае, если камень крупнее ногтя и если в него вкладываешь заклятия посерьёзнее той ерунды, что мы изучали в колледже) должен о-очень опытный маг. Однако, если всё сделать правильно, заклинанием, высвобожденным из одного небольшого рубина, можно спалить целый квартал.

К сожалению, юным недоучкам вроде меня о работе с такими вещами и думать было нечего.

К счастью, мне и не требовалось.

Я двинулась к витринам с амулетами и игральными костями. Дорогой скользнула пальцами по стеклу, под которым среди различных Таро переливался Райдер-Уэйт, отпечатанный чёрным по золоту: такие колоды предпочитал мастер Тинтрэ. Вспомнилось, как на зачёте я случайно спалила Рыцаря Жезлов из своей колоды, заговаривая его на защиту (глупо отвлеклась на смех однокурсников, дожидавшихся своей очереди в коридоре), и как мне с заговорщицкой улыб-

кой вручили другого, с чёрным рисунком на блестящем золотом прямоугольнике, подарив вторую попытку. Мастер всегда носил с собой «чистую», не зачарованную колоду, чтобы наглядно иллюстрировать лекции – на картах это делать было проще всего.

Эту попытку я не провалила.

– Добрый день! Есть кто-нибудь?

Из подсобки запоздало вынырнул продавец – молодой человек лет двадцати пяти. Окинул меня внимательным взглядом чуть прищуренных глаз, зеленоватых и светлых, как мята или роса на свежескошенной траве.

– Добрый день. – Он небрежно поправил тёмные кудри, собранные в низкий хвост. На чёрной футболке с длинным рукавом красовались мои любимые Queen – знаменитый кадр из клипа «Богемской рапсодии»; при полной закрытости одежда умудрялась подчёркивать все достоинства скрытой под ней фигуры. – Чем могу помочь?

Хитрый прищур длинных ресниц отозвался в груди нежданно сбившимся дыханием. Под ложечкой странно ёкнуло.

– Мне нужны игральные кости. Для зачарования. – Под его долгим взглядом я судорожно попыталась вдохнуть достаточно глубоко, чтобы усмирить взбесившееся вдруг сердце. – И...

Молодой человек улыбался, склонив голову набок: не продавец камней в маленьком провинциальном городке,

а ожившая девичья мечта. Высокий. Широкоплечий. Чувственные губы, подбородок с ямочкой. И этот прищур, от которого всё внутри замирает сладко и... неправильно?..

...это неправильно. Это ненормально. Это не похоже на меня.

Не заботясь, что обо мне подумают, я зажмурилась. Магическая печать произвольно вспыхнула на коже – и я увидела внутренним взором радужную пелену, заволокшую мысли.

Ага...

Поставить ментальный блок на чужеродную магию такого рода труда не составило. Не для меня.

– А ты у нас, оказывается, необычный продавец. – Открыв глаза, я спокойно встретила взгляд, минутой раньше заставлявший чувствовать себя героиней паршивого любовного романа. – И как, многие клиенты уходили отсюда в убеждении, что действительно хотели потратить в этом магазине всё до последней пини?

Бровь продавца выгнулась в удивлении.

Затем улыбка его стала шире.

– Ну что ты. Я же не зверь, оставлял им немного на еду. – Ответ горчил насмешливым уважением. – А ты у нас, оказывается, необычная магичка. Мало кому удавалось осознать, что их очаровывают.

...нет, он и правда красив. Даже если смотреть на него трезвым взглядом.

Просто я не из тех, кто теряет голову от смазливого личика – особенно после всего, что стряслось со мной за последние сутки.

– Двусторонний эмпат, верно?

– Дар от дедушки-тилвита. Обычно даже маги поддаются. – Парень вздохнул. – Так какие тебе нужны кости?

От сидов их потомки нередко наследовали крохотную часть волшебных сил Дивного Народа. Магами в общепринятом смысле эти люди не являлись: чтобы иметь право зваться магом, ты должен родиться с магической печатью и способностями к преобразованию энергии. Но у них тоже был дар, тот или иной; они не смогли бы сотворить ни одного заклятия, зато умели подчинять себе зверей, проходить сквозь стены, усыплять песней... читать чужие эмоции. А двусторонние эмпаты – такие, как мой новый знакомый, – умели не только читать эмоции, но и внушать любые другие на своё усмотрение. Дар столь же восхитительный, сколь и опасный.

Впрочем, у меня на его дар был свой: кровь сидов наделяла своих владельцев защитой от колдовского очарования.

– Два набора из костей грифона, два из поделочных камней. И... вон те амулеты. Три штуки. Вы же наличные принимаете?

Продавец понимающе усмехнулся:

– Принимаем. Только без сдачи.

– Тогда ещё два... нет, три кожаных кошелья. Будьте доб-

ры.

Кости, амулет и кошель тщательно завернули в упаковочную бумагу, потом уложили в коробку, а следом перевязали атласной ленточкой и отправили в картонный пакет.

– Сто семьдесят два гинэ. Упаковка в подарок. – Отставив пакет в сторону, молодой человек сложил руки на стекле витрины. Наклонился вперёд, ближе ко мне: – Надеюсь, ты не раскроешь мой маленький секрет? Я не хозяин этой лавочки, просто продавец-консультант, а процент с продаж, сама понимаешь...

Тон был серьёзным, но призрак ухмылки в углу рта намекал, что парень и сам прекрасно знает: никому я ничего не раскрою. Маги, которые платят за камни наличными и покупают амулеты для создания долгосрочных иллюзий, не из тех, что рассказывают о чужих секретах. Разве что за большую сумму.

Впрочем, в эту игру можно играть вдвоём.

– Согласна рассмотреть твоё предложение... за скидку до ста пятидесяти, – вкрадчиво предложила я. – Вычтешь из своей зарплаты – полагаю, благодаря процентам с продаж она у тебя приличная.

Продавец наигранно всплеснул руками:

– Грабёж среди бела дня!

– Тёмной ночью было бы не так обидно? Могу вернуться позже.

– Тёмной ночью я предпочёл бы с тобой встретиться в бо-

лее уютной обстановке.

Странно, но это не прозвучало похабно. Возможно, из-за его улыбки – мальчишеской, ни капельки не скабрёзной, ясно говорившей: «Успокойся, шучу».

– Мечтать не вредно. Так что?

– Ладно, грабительница. Сдаюсь. – Парень насмешливо вскинул руки, словно я наставила на него пистолет. – Я не в силах противостоять столь очаровательной наглости.

Достав из рюкзака импровизированный кошель, я выложила на прилавок две монеты – одну золотую, одну серебряную:

– Держи. Всё равно без сдачи у меня только так.

Продавец посмотрел на монеты. Перевёл взгляд на мешок с деньгами, зажатый в моей руке.

– Не стоит так набивать кошелёчек. Того и гляди порвётся, – бесстрастно заметил он. – Только обналичила все средства с карточки?

Проницательный парень... фоморы его дери.

– Не твоё дело. – Сунув кошель обратно в рюкзак, я схватила пакет с покупками. – Всего хорошего.

Мне казалось, я чувствую его пристальный взгляд на своей вспотевшей спине, даже когда стеклянные створки магазинных дверей сомкнулись за мной. Отойдя от лавки под сень ближайшей магнолии, я резко обернулась, но никто за мной не следил. Ожидаемо... здравствуй, мания преследования. Впрочем, с такой жизнью немудрено.

В одном чудо-продавец прав: в следующий раз не стоит таскать с собой все деньги.

Уверившись, что на улице нет никого, кроме прохожих, которым до меня не было никакого дела, я направилась обратно к отелю. Воздух парка по-прежнему звенел детским смехом и дразнил ароматом карамели; я шла, помахивая пакетом в руке, словно обычная девочка-студентка, выбравшаяся в соседний город на экскурсию. Будь я действительно обычной девочкой-студенткой, можно было бы купить себе пакет каштанов и стакан апельсинового сока со льдом, сфотографировать всю эту красоту на фоне старинной карусели с деревянными лошадками, чтобы запостить в Инстаграм, а потом усесться на лавочку и перекусить. Ещё и прокатиться на этой карусели, совсем как в детстве, когда мы гуляли с мамой в центральном парке Динэ...

...что-то я в последние дни часто вспоминаю о детстве. Хороший способ убежать от жестокой действительности.

Только это как раз то, чего мне ни в коем случае делать нельзя.

Столкновения с молодой баньши, плывшей мне навстречу и увлечённо болтавшей по графону, я избежала в последний момент: задумавшись о своём, слишком поздно заметила, куда – вернее, в кого – я иду.

– Эй! – Вильнув над гравийной дорожкой, баньши сердито оглянулась на меня. – Тебе глазки вообще для чего нужны? В мальчиков ими стрелять?

– Вам то же могу сказать, – буркнула я, отворачиваясь, оставляя хамку за спиной. Так бы, может, и извинилась, но после её реплик всё желание пропало. Хотя смотреть, куда я иду, и правда не помешает, – а то сперва мобиль, потом девочка-глейстиг, теперь эта красавица...

– Подожди, я перезвоню. Эй, мисс! – Я едва узнала голос той же баньши, донесшийся сзади: за пару секунд, минувших с нашей перепалки, в нём успела пробиться нехорошая хрипотца. – Невнимательная мисс, стойте!

Я не хотела оборачиваться. Но всё-таки обернулась. Решила, что так мы привлечём меньше внимания окружающих, иные из которых уже оглядывались на её крик.

Баньши торопливо подплыла ко мне, паря в нескольких дюймах над парковой дорожкой (самых любимых и самых несчастных детей Великой Госпожи Дану отличали сложные отношения с гравитацией), пока дымчато-синие глаза сверлили пытливым взглядом моё лицо.

– Вы вчера чудом спаслись из-под колёс мобиля, так ведь?

Правдивость этого изречения из уст персоны, которую я видела впервые в жизни, заставила меня не столько насторожиться, сколько растеряться:

– Откуда вы...

– Понимаю, вы удивлены. Но это важно. Для вас. – Нервно оглянувшись, баньши заправила за острое ухо прядь волос цвета бледных незабудок. Взяв меня под руку, отвела с середины аллеи поближе к липам, чтобы прохожим не при-

ходилось огибать живые препятствия в нашем лице. – Вы ведь знаете, что мы видим чужую смерть? У людей, которым только предстоит умереть, – оставшийся им срок. У тех, кто уже мёртв, – обстоятельства, при которых они погибли. – Она говорила так тихо, что я с трудом различала её голос за весёлым парковым шумом. – Нам запрещено открывать людям правду о будущем, если на то нет воли богов. Только вот здесь речь не о будущем.

– О чём вы?

Я не понимала, куда она клонит, но мне это заранее не нравилось. Когда баньши заговаривает с тобой о смерти, это сулит что угодно, кроме долгой счастливой жизни.

Плач баньши недаром испокон веков считался плохой приметой.

– Видите ли, – мягко проговорила девушка, – вы должны быть мертвы.

– Ну, если бы меня не спасли из-под колёс...

– Вы не понимаете. Ваша смерть *уже* наступила. Я *вижу* её: машину, которая сбивает вас, и ваше тело на дороге. А сейчас ваше сердце бьётся, вы ходите, дышите и разговариваете, но... – она улыбнулась так криво, словно сама боялась поверить в слова, которые сейчас произнесёт, – но на самом деле вы мертвец. И для мироздания ваша смерть – свершившийся факт.

Когда я постучалась, Эш был занят: во всяком случае, открыл он далеко не сразу.

– Уже верну... – распахнув дверь номера достаточно широко, чтобы разглядеть, кто ждёт за ней, брат осёкся. – *А это ещё кто?*

При большей материальности его голосом можно было бы колоть лёд.

– Если б я знала, – буркнула я, жестом предлагая баньши пройти вперёд. – Но нам нужно поговорить в приватной обстановке. Как вас зовут, к слову?

– Роксэйн. – Смерив Эша внимательным взглядом, баньши проплыла внутрь, заставив его посторониться. – Можно Рок.

Я даже не знала, к лучшему ли, что она не может сказать об оставшемся Эшу сроке. Ведь увидела же, я знаю.

Если ему осталось недолго, это меня добьёт.

– Я журналистка. Вернее, учусь на неё. В следующем году университет заканчиваю, а пока подрабатываю заметками для криминальной хроники. – Прошелестев длинной юбкой по паркету, задев синим шёлком волчью пасть, девушка опустилась на мою постель; бордовый бархат покрывала даже не подумал промяться, словно баньши ничего не весила. – Я закурю?

Я нервно кивнула, прежде чем сесть на кровать напротив. Эш, поколебавшись, последовал моему примеру, недобро наблюдая, как незваная гостья достаёт из сумочки тонкую электронную сигарету.

– Я представилась. – Стекланный мундштук коснулся капризно изогнутых губ, нежно-розовых, как цветы азалии. Затянувшись, баньши выдохнула дымную струйку, и в комнате запахло вишней. – Ваша очередь.

Голос у неё был низкий, грудной, с мурлыкающей хрипотцой. Голубые волосы, собранные в пучок, заколотый двумя длинными шпильками, открывали длинную шею; несколько прядок выбивались из причёски, обрамляя треугольное лицо с чертами, которым позавидовали бы многие актрисы. Светло-зелёная, цвета аквамарина кожа подчёркивала и оттеняла потустороннюю синеву раскосых кошачьих глаз, как и строгое платье, окутывавшее точёную фигуру блеском василькового шёлка. Изящные пальцы – раза в полтора длиннее человеческих – напоминали о пауках, и я вспомнила, как маленькой, впервые увидев баньши, бесславно расплакалась.

Я давно привыкла к избранницам Великой Госпожи, но что-то пугающее в них было. Впрочем, создания, столь тесно связанные со смертью, едва ли могли не пугать вовсе.

– С чего бы нам называть тебе свои имена? – осведомился Эш.

– С того, мальчик, что у твоей сестры неприятности. – Баньши снова затянулась, не сводя сумрачного взгляда с его

лица. – Я абсолютная провидица. В курсе, что это значит?

Это заставило меня изумлённо разомкнуть губы, но брат ответил раньше:

– Читаешь смерть человека, только посмотрев на него?

– Именно. Мне не нужно видеть линии руки или глаза, как другим из моего народа. Тень чьей-то смерти сразу же открывается мне при встрече с ним. – Они с Эшем смотрели друг на друга так прямо и неотрывно, будто тот, кто первым отведёт взгляд, потерпит поражение в странной необъявленной дуэли. – Такие, как я, рождаются нечасто. Раз в столетие – приблизительно. Твоей сестре повезло, что она столкнулась со мной.

– И в чём же заключается её везение?

– В том, что я увидела её смерть, которая произошла вчера. Мой дар кричит, что сейчас напротив меня сидит симпатичный живой труп, который по-хорошему должен лежать в морге. Не самое приятное ощущение, надо сказать.

– В смысле «живой труп»? – Скепсис Эша резал острее ножа. – Лайза, конечно, бледнее обычного, но на вампира не особо похожа.

– Вчера её должен был сбить мобиль. *Обязан* был сбить. Но что-то спасло её. Что-то... или кто-то. Кто никак не должен был оказаться там. – Баньши повернулась в мою сторону. – Это ещё не всё. Тень твоей смерти... она изменена.

– Поясни?

Последнее заявление мне тоже заранее не нравилось. Но

не спросить я не могла.

– Обычно Великая Госпожа точно знает, когда заберёт человека и при каких обстоятельствах. Знает с самого момента его рождения. Присказка «кому суждено сгореть, не утонет» родилась не на пустом месте. Но редко, очень редко случается, что она меняет свои планы, и тот, кому суждено было сгореть, всё-таки тонет. Не спрашивайте, почему и по какой причине. Нам неведомы её помыслы. В этих случаях мы... баньши... видим, что тень чужой смерти менялась. И планы насчёт вас обоих были изменены, причём совсем недавно. – Кончиком сигареты, мерцавшим голубым огоньком, она поочередно указала на меня и Эша. – Грубо говоря, решение о том, что тебя должен сбить мобиль, *она* приняла всего пару дней назад. До того тебе готовили другую смерть. Не знаю, правда, какую. Я доступно объясняю?

– Куда уж доступнее. И что всё это значит?

– Хотелось бы мне знать. Такие тени, как у вас, я вижу впервые в жизни. И даже не слышала о подобном никогда. – Очередная затяжка была чуть глубже и нервознее, чем все до того. – У твоего брата она тоже весьма оригинальная.

Сердце подпрыгнуло, казалось, до самых мгновенно пересохших губ.

– А с Эшем что?..

– Я вижу его тень, но не могу прочитать. Не могу сказать, сколько ему осталось. Она... размытая. Неопределённая. Будто Великая Госпожа ещё не решила, что с ним де-

лать. А ведь с теньями людей, полукровок и низших фейри не должно быть проблем. Мы не можем предсказать смерть других баньши, но у них немного другая тень... не размытая, просто другая. У сидов её вовсе нет, ведь они не могут умереть. Не в нашем мире. Но *такое*... – В последний раз выпустив вишнёвый дым, на сей раз неаккуратным облачком, Роксэйн аккуратно убрала сигарету обратно в сумочку. – Если бы вы рассказали мне обо всём, что произошло с вами за последнюю пару дней, мы могли бы попытаться понять, что это.

– Нам не нужна помощь. – Эш решительно скрестил руки на груди, прятаясь под мешковатой белой футболкой. – И я благодарен за беспокойство о наших скромных персонах, но тебе пора.

Баньши не обиделась. Не удивилась. Не возразила.

Лишь вопросительно вскинула тонкую голубую бровь, глядя на меня.

– Мы не можем посвятить тебя в это, – неуверенно произнесла я. – Это опасно.

...неуверенным мой голос был потому, что в глубине души мне страстно хотелось рассказать. Знать, что мы с Эшем больше не одни. Знать, что есть кто-то ещё, знающий о тех бедах, что на нас навалились. Потому что семейные проблемы Форбиденов, конечно, должны оставаться в семье Форбиден, но едва ли в тот момент, когда единственный взрослый член этой семьи остался где-то далеко и ничем не может

помочь младшим.

Да только я не имела права.

– Опасно для меня? – уточнила та.

– Знание об этом убивает того, кто его носит, – откликнулась я, повторяя материнские слова. – Мама сказала мне, – добавила я, поймав вопросительный взгляд Эша.

Брат не стал ни укорять меня, ни возмущаться, ни задавать вопросы. Конечно, я обязана была поведать ему о том разговоре, как и о мобиле, едва не оборвавшем мою жизнь, – но Эш прекрасно понимал, почему последние сутки нам было не до откровений.

– Но вы-то вроде живы, – усмехнулась Роксэйн. – Относительно.

– Мы сами не понимаем, что происходит. Мы в курсе следствий, но не знаем причин. Поможешь нам узнать причины – умрёшь вместе с нами.

– Откуда вам это известно?

– От нашей матери. Когда мы видели её в последний раз, она... угасала. От какого-то проклятия, поражающего тех, кто знает правду. На самом деле это не было проклятием, – справедливости ради поправилась я, – но что это за напасть, я не знаю.

– О. – Роксэйн помолчала. – И что, она умерла?

Бесцеремонный вопрос был ожидаемым – и всё же выбил меня из колеи.

– Мы не знаем, что с ней, – молвил Эш холодно, перехва-

тывая диалоговую эстафету, пока я пыталась достать сердце из той чёрной глухой пустоты, куда оно провалилось. – Надемся, что она жива.

– Тогда почему вы так уверены, что этот недуг смертелен? – Баньши невозмутимо закинула ногу на ногу. Поправила юбку, растёкшуюся по покрывалу васильковой волной. – Слушайте, ребята, если вы думаете, что сможете уцелеть, просто не пытайтесь понять, что происходит, хочу вас разочаровать. Только дети суют голову под подушку и думают, что, если они никого не видят, никто не видит их. Невозможно бороться с врагом, которого не знаешь в лицо. А что вы будете делать, не представляя, с чем столкнулись? До конца жизни скитаться по отелям, убегая неведомо от чего?

– А тебе-то какой интерес? Какое тебе дело, выживем мы или нет?

– Можешь считать, мой интерес в том, что я журналистка, а ваша история тянет на отличную статью, кучу просмотров и премию.

– Это нам нужно меньше всего.

– Или я хочу помочь из праздного любопытства, что же не так с вашими тенями.

– Любопытство много кошек сгубило.

– Или просто потому, что не смогу спокойно спать по ночам, зная, что не помогла вам.

– Хочешь сказать, будешь мучиться совестью из-за парочки незнакомых людей?

– А ты бы на моём месте не мучился?

– Нет, – отрезал Эш со спокойствием, которым мог похвастаться не всякий астронавт. – Для меня есть моя семья и все остальные, и на остальных мне плевать.

Баньши поцокала языком, всем своим видом выражая, что она думает о подобной степени цинизма в применении к столь юному существу.

– Хороший подход, – одобрила она наконец. – Так держать, мальчик. Далеко пойдёшь.

– ...а если мы расскажем, ты поклянёшься больше никому об этом не говорить?

Услышав вопрос, слетевший с моих губ почти непроизвольно, Эш вздохнул так тяжело, что лежавшая на прикроватной тумбочке бумажная салфетка встрепенулась и порхнула на пол, закрыв ехидно скалившейся волчьей голове один глаз.

Глядя на меня пристально и серьёзно, баньши приложила длиннопалую ладонь к груди напротив сердца:

– Клянусь Великой Госпоже, даровавшей мне жизнь, что унесу вашу тайну за грань предопределённости, если на то ваша воля.

Фейри ответственно относились к клятвам. Впрочем, люди тоже – когда клялись определёнными вещами или определённым богам. С Дикой Охотой и её Повелителем, к примеру, лучше было не шутить.

С Великой Госпожой, в чьей власти не только дарить жиз-

ни, но и отнимать их – тоже.

– Не спорю, что мне самому интересно будет послушать про смертоносный мобиль, о котором моя сестра вчера тактично умолчала, – после долгой паузы проговорил Эш, – но неужели ты *действительно* готова рискнуть жизнью ради нас?

– О моей жизни не беспокойся, мальчик. Я не жду встречи с Великой Госпожой с нетерпением, но, когда придёт мой срок, приму неизбежное спокойно. А что мне делать, пока я живу, решать мне. Никак не вам. – Роксэйн наклонилась вперёд – и, поставив локти на колени, подперев подбородок ладонями, посмотрела на меня с проникновенностью жреца, готового спросить невесту, будет ли она со своим суженым в горе и в радости. – А начните, пожалуй, с того, как всё-таки вас обоих зовут.

* * *

Рассказ занял немало времени: когда он завершился, солнце за окном уже клонилось к верхушкам парковых клёнов.

– Так вот откуда взялся этот сид, – пробормотал Эш, когда я закончила на том, как мы прибыли в Мулен.

– Говоришь, никогда прежде его не видела? – хмуро уточнила Роксэйн, до того слушавшая мою повесть почти без вопросов.

– Нет. Но, кажется, он хорошо знает нашу маму.

– С чего ты взяла?

– Мама... попросила меня доверять ему. – *На прощание*, прошептало что-то внутри, но я заглушила голос, которому не могла возразить. – И я случайно подслушала кое-что... позавчера ночью. Мама говорила с кем-то в своей спальне, но, когда я вошла туда, там никого не было. По графону она не звонила. Потом я увидела этого сида и то, как быстро он может исчезнуть... и теперь думаю, что это мог быть он. Что он просто ушёл, как только я ворвалась в комнату. – Не поднимая глаз, я комкала в пальцах бахрому, обрамлявшую дизайнерскую прореху в джинсе, красовавшуюся на моём колене. – А может это чёрное существо быть... Великой Госпожой? Вдруг она пришла за мной, когда меня должен был сбить мобиль, но сид нарушил её планы, и она хотела... овладев моей подругой...

Дальнейшие слова застряли в горле, которое сжал болезненный спазм, – но баньши поняла, что я имею в виду, и уставилась на меня с таким изумлением, будто я заявила, что небо зелёное.

– Нет, нет. Она умеет менять обличья, но вряд ли она явилась бы к тебе *такой*. Ей нет нужды приходить за кем-то лично, и уж точно нет нужды в чужих телах. Если б она хотела тебя забрать, то давно сделала бы это... но, видимо, пока ей по каким-то причинам не до тебя. Или её устраивает текущее положение дел. – Роксэйн помолчала. – У меня появи-

лась другая теория.

– Какая?

– Вы слышали об убийце, которого прозвали Ликорисом?

Я сдвинула брови, смутно что-то припоминая, но Эш уже любезно излагал всю необходимую информацию:

– Шесть трупов за два года. Последняя жертва убита два месяца назад, найдена позавчера. Все убитые – молодые девушки, все обнаружены в Динэ. Изуродованы, задушены, предварительно изнасилованы.

...лишь тогда я вспомнила новость, мельком замеченную вчера на экране графона Гвен.

– Ликорис? – повторила я. – Что за странное прозвище?

– Это цветок, – пояснил брат. – В Харлере он не растёт... по крайней мере, в дикой природе. Но его пыльцу находили в волосах всех жертв.

Я лишь сделала мысленную пометку загуглить название, как будет время: никогда раньше не слышала о ликорисах, и как они выглядят, не представляла.

– Этот факт утаивали от прессы, но кто-то хакнул компьютеры стражи и слил информацию в Сеть, – добавила Рокс-эйн. – А журналисты пришли в восторг и окрестили убийцу «Ликорисом».

– И какое отношение этот маньяк имеет к нам?

– Вы же фейри-полукровки. – Кончик длинного пальца баньши указал на кудри Эша. – Даже сиды-полукровки. Тилвиты в ближайших родственниках, верно?

Я нехотя кивнула:

– Отец – тилвит тег.

– Так вот, все жертвы Ликориса – полукровки. Такие же, как вы. Отец всегда с Эмайна. Все миловидные девушки от семнадцати до двадцати лет. Последняя жертва, Алвена Блейк, незадолго до смерти писала в соцсетях, что её мучают кошмары. В том числе про человека в чёрном костюме без лица, похожего на сетевого монстра Дюнэтэни, также известного как Кромешник. Не странное ли совпадение?

Я вдруг ощутила, какими холодными и потными сделались мои ладони, – и кондиционер, не впускаявший снаружи летнюю жару, явно был ни при чём.

– Что-то та чёрная тварь не похожа на насильника, – голос Эша, впрочем, снова прозвучал скептически. – Проблематично насиловать девушку, предварительно загнав её под колёса.

– Но тварь ведь действовала не по своей воле. Она явно фомор. Порождение Дикой Охоты. А порождения Охоты, как вы помните, не могут просто взять и пробраться в Харлер из потустороннего мира.

Историй о людях, заключивших контракт с фоморами, нам на духоведении рассказывали множество. Ритуал вызова был прост, и для него даже магом быть не требовалось – лишь купить расхожие ингредиенты в любой магической лавке. На зов являлась какая-нибудь антропоморфная тварь из Дикой Охоты, которая предлагала свои услуги. Чаще все-

го фоморов просили об убийстве: в старые времена они иногда вырезали целые кланы, но сейчас контракты в основном заключали, чтобы тот или иной конкурент неудачно упал с лестницы и свернул шею.

Просили твари, как ни странно, немного. Никакой преждевременной смерти, никакой души – лишь чуточку крови владельца. Причина подобной скромности была проста: сами по себе фоморы могли вырваться в наш мир только в Самайн, а человеческий вызов давал им лишнюю возможность погулять по Харлеру, да к тому же полакомиться жизненными силами жертв. Поговаривали, конечно, что после смерти контракторам суждено было самим стать фоморами и пополнить свиту Повелителя Кошмаров... Но то были лишь слухи, реальными доказательствами не подкреплённые.

– Этой тварью управляет человек или фейри, – продолжила Роксэйн, – и он явно имеет что-то против полукровок. Помимо шести девушек, убитых Ликорисом, есть ещё пятеро, которые погибли в результате несчастных случаев. Трёх из них сбил мобиль. Угадайте, на что жаловалась одна из сбитых?

– Неужели Кромешник? – вскинулась я.

– Именно. И здесь был не просто сон: родители той девушки проснулись ночью от её крика. Когда прибежали в комнату дочери, та пряталась в шкафу и твердила, что видела за своим окном безликую тварь в чёрном костюме. Окно, если что, находилось на втором этаже... а на следующий

день её сбили.

Я смотрела, как свет люстры играет на шёлковой юбке баньши, расцветившая насыщенную синеву светлыми пятнами – словно солнечные блики на глубокой воде, – и чувствовала, как страх и апатия, успевшие свить гнездо где-то в моей груди, уступают место азарту.

Так Кромешник – всё же не сетевая байка? И его образ действительно основан на одной из разновидностей фоморов? Просто любители страшилок исказили факты, облачив тварь в приземлённый наряд с белой рубашкой, дорисовав гниющую серую кожу вместо непроницаемой черноты... а те, кто мог бы опровергнуть мифы, просто не доживали до этой возможности. А если эта тварь – фомор, ей вполне могли заказать убить нашу семью... или меня.

Вопрос лишь в том, кому и зачем это нужно.

– Откуда ты всё это знаешь? – осведомился Эш, в отличие от меня не спешивший доверять кому и чему бы то ни было.

– В Сети много писали о Ликорисе. Я заинтересовалась этим делом. Решила проверить всех юных полукровок, умерших насильственной смертью за последние пять лет. Сначала за три года – никого, зато потом вдруг стали умирать как мухи. Я даже представить не могла, что встречу кого-то... причастного к делу, но теперь вконец отказываюсь верить, что те несчастные случаи и Ликорис никак не связаны. – Баньши поднялась на ноги, зависнув над паркетом. – Правда, всё это наводит меня на невесёлые мысли.

– Если б мёртвые девушки наводили тебя на весёлые, я окончательно уверился бы, что у баньши крайне специфическое чувство юмора.

– Ты не понимаешь, мальчик. Тех, кто известен как жертвы Ликориса, контрактор твари явно убивал лично – монстр разве что помогал ему загонять добычу. И все трупы нашли в Динэ, хотя лишь две девушки жили в этом городе. Остальные приехали на выходные... или на каникулы. Одна гостила у тёти. Зато те пятеро, что погибли в несчастных случаях, умерли в разных концах страны. Видимо, убийце лень было самому мотаться по всему Харлеру, вот он и попросил чёрного друга подсобить, а заодно обставить смерти несчастными случайностями, чтобы с делом Ликориса их было не связать. Но как сильно нужно ненавидеть полукровок, чтобы желать убить всех в стране? Да ещё заключить ради этого контракт с фомором? Это же...

Баньши осеклась, уставившись на дверь в номер – или на что-то, внезапно материализовавшееся рядом с ней.

– Не хотел прерывать вас, – слышалось оттуда прежде, чем я успела испугаться, – однако вам пора ехать дальше.

Оглядываясь, я испытывала смутное ощущение дежавю.

– Ты! – Завидев сида, я, в свою очередь, вскочила с постели. – Где мама? Что с ней?

– Она в порядке. – Сиреневые глаза взирали на нас так отрёпённо, словно сам смысл слов «эмоции» или «волнение» их владелец позабыл давным-давно. – Связаться с вами не

может – не в том состоянии, чтобы вести беседы. Но она жива.

Если он и соврал, я была ему благодарна.

О Гвен и её родителях спрашивать я не стала. Не хотела слышать ответ.

– А, таинственный спаситель? – Взгляд, которым пришельца одарила Роксэйн, больше подходил опытному патологоанатому, чем юной студентке. – Вы бы хоть представились, гость из Дивной Страны. Или на Эмайне иные правила хорошего тона?

Справедливости ради сиды редко открывали смертным свои имена. Во всяком случае, истинные имена. Для сидов, что могли назвать по имени дождь или ветер, дабы упростить те не мочить их одежды или раздуть крохотную искру в костёр, имя даровало власть над его владельцем; сказка о Румпельштильцхене или пассажи в книгах Ле Гуин возникли не на ровном месте. Но я прекрасно понимала, почему Роксэйн хочет услышать от него хотя бы прозвище – оно само по себе могло сообщить о пришельце немало.

– Я тот, кто желает Лайзе и Эшу добра. – В голосе сида шелестел песок, неумолимо текущий из верхнего деления стеклянных часов в нижнее. – Время играет против вас. Вы должны покинуть это место немедленно.

Я не удивилась, что при этих словах сид смотрел на Эша: из нас двоих брат больше был склонен прислушиваться к зловещим предупреждениям. И когда откуда-то – не то из

коридора, не то из соседней комнаты, не то снизу – послышался крик, тоже почти не удивилась.

В конце концов, с нами уже почти целый день не происходило опасной для жизни фоморщины. Не могло же это продолжаться вечно.

– Об этом я и говорил, – вымолвил сид устало, когда мы трое синхронно вздрогнули. – Берите вещи и бегите. Я позабочусь, чтобы путь был безопасным.

– Подожди! Пожалуйста, объясни, что происхо...

Но сид снова растворился в воздухе, оставляя меня договаривать вопрос в пустоту, чтобы оскал волчьей пасти мог ехидно смеяться над моей растерянностью.

– В одном он прав, – после секундной паузы подвела черту Роксэйн. – Доставайте чемоданы, ребятки. Задерживаться тут не стоит.

До лифта добежали так быстро, как могли. Дверь номера защёлкнулась за спинами сама собой; баньши не отставала от нас с Эшем, время от времени поправляя тонкий ремешок кожаной сумки, висевшей на её плече.

– Может, просто в номере под нами ссорится кто-нибудь? – пробормотала я, лихорадочно отжимая кнопку вызова подле деревянных дверей.

– Ага, – мрачно откликнулся Эш. – Молодожёны решили, что смерти стоит разлучить их побыстрее.

– Мне кажется, лучше пойти по лестнице, – глядя в сторону, произнесла Роксэйн.

– С чемоданами? Да ладно, лифт сейчас...

– А я говорю, что нужно без резких движений отходить к лестнице.

Это баньши процедила уже сквозь зубы – и, проследив за её взглядом, я выпустила ручку чемодана из пальцев.

В дальнем конце коридора застыла знакомая девушка-администратор. То, как она стояла – не шевелясь, пристально вглядываясь в нас, – до дрожи напомнило Гвен, замершую за калиткой нашего дома под бледным светом фонарей.

Мне не потребовалось подходить ближе, чтобы всмотреться в её глаза. В следующий миг девушка исчезла; когда она появилась снова – в паре ярдов от нас, сжимая стеклянную пилку в поднятой руке, – меж накладных ресниц плескалась знакомая чернота.

Вскидывая руку, на которой уже вспыхнула белым активированная печать, я думала только об одном: успею или нет?..

– *Кварт эир, косэн...*

В миг, когда кончики пальцев окутало прозрачное марево, за спиной противника мелькнуло потустороннее серебро чьих-то длинных волос. Цепкие пальцы легли на девичью шею, и веки её дрогнули; затем сомкнулись, скрыв собой жуткую черноту.

Секундой позже враг рухнул на пол, заставив меня осечься, прежде чем заклятие возымело действие.

– Я говорил, что позабочусь о вашей безопасности, – ска-

зал сид безразлично, пока подъехавший лифт тихо звякал открывающимися дверьми. – Езжайте вниз.

– Что ты с ней сделал?

– Она без сознания. Когда тварь овладевает кем-то, она увеличивает их силу, но обычные люди слабы даже так, и отправить их в крепкий сон несложно. Езжайте.

Эш уже закатывал чемодан в лифт. Баньши вошла в кабину следом, пятясь спиной назад, переводя ошалелый взгляд то на сида, то на бесчувственное тело, распростёртое на ковровой дорожке уместно кровавого цвета.

– Езжай, – повторил сид мягко, глядя на меня: сирень его глаз действовала почти гипнотически. – На твои вопросы я могу ответить позже.

Я зашла, когда Эш уже отжал кнопку с цифрой «1». Цепляясь за ручку чемодана так, словно лишь она удерживала меня в реальности, смотрела, как лицо сида скрывают смыкающиеся металлические створки.

Вопросов в голове теснилась уйма. Кто наш таинственный хранитель? Кто враг, следующий за нами по пятам? Но сейчас, пожалуй, с ними и правда можно повременить. Тем более что в данный момент чуть ли не больше всего остального меня удивляла собственная реакция на опасность: реакция боевого мага, причём инстинктивная. В колледже нам устраивали тренировочные схватки, но я всегда думала, что в реальном бою (по крайней мере, без родных боевых артефактов под рукой) скорее застыну истуканом или пушусь наутёк.

Как и положено порядочному артефактору, который обеспечивает оружием тех, кто сражается на передовой, не более. Как и положено девочке, которой никогда не приходилось себя защищать.

Которая была тем, кого оберегают.

Поздравляю, Лайза, язвительно пропело в ушах, пока я выкатывала чемодан в пустынный холл, слушая, как колёсики жужжат по ковру, шуршит позади юбка баньши и вторят моим шагам шаги брата. Ты не такая трусиха, какой себя считала. Действительно, стоило чем-то насолить неведомому монстру, убежать из дому, которого больше нет, и бросить мать при смерти, чтобы это выяснить.

В скобочках – «нет».

Французик снаружи успокаивающе сиял синими отблесками под золотом вечернего солнца. Эш наскоро отключил провод для зарядки аккумулятора от энергетического столба и забрался на пассажирское сиденье, пока я запиховала вещи в багажник.

– Надеюсь, теперь эта тварь не будет гоняться ещё и за тобой. – Захлопнув крышку, я повернулась к баньши, наблюдавшей за моими действиями. – Спасибо, Роксэйн.

– Пока не за что, – пожала плечами та, прежде чем открыть заднюю дверцу и сесть в мобиль.

На миг я остолбенела. Опомнившись, поспешила к месту водителя.

– ...никуда не едешь! – Эш, как и ожидалось, вовсю ру-

гался с незваной пассажиркой, гневно взирая на её отражение в зеркальце заднего вида. – Тебя никто не приглашал!

– Приглашение мне и не требуется. Я же не вампир. – Баньши беззаботно откинулась на спинку мягкого тканевого сиденья. – Мы не закончили разговор. Так что я еду с вами хотя бы до места, где мы сможем договорить и попрощаться без того, чтобы нам мешали всякие твари и сиды, злостно пренебрегающие этикетом. И должна напомнить, что в твоих интересах поскорее отъехать от этого проклятого отеля вместо того, чтобы препираться со мной.

– Эш, она права. – Влезая в проход между сиденьями, чтобы брат мог поменяться со мной местами, по пути я успокаивающе коснулась его руки. – Поехали. Потом разберёмся.

Помедлив, тот перебрался за руль. Зло ткнул пальцами в панель управления; вырубив автоматически включившуюся магнитола, положил ладони на бирюзовую бархатную оплётку, натянутую поверх чёрной кожи, и Французик, плавно тронувшись, выехал на узкую дорогу вдоль парка.

– Продолжая разговор, – молвила Роксэйн немного погодя, пока мы чинно притормаживали на светофоре. – К вашему сведению, у той девушки, которая решила поиграть в призрака отеля «Оверлук», тень смерти тоже была размытой. Полагаю, последствия встречи с вашим чёрным другом. – Баньши смотрела в окно, за которым по пешеходной зебре шли мимо нашего мобиля люди и фейри, спеша оказаться на той стороне дороги прежде, чем светодиодное табло снова

сменит цвета. – Надо сказать, повидав его лично, мне ещё больше захотелось узнать, что он такое. И, если вы не против попутчика, я готова ехать с вами куда угодно.

– Конечно, против, – фыркнул Эш. – Только подобный обузы нам не хватало.

– Обузы? – В глазах баньши болотными огоньками сверкнула насмешка. – Поосторожнее, мальчик. Я вообще-то помочь хочу, но могу и расхотеть.

– Милости прошу. Нам всё равно стоять тут ещё минуту. Как открывать дверцу, думаю, разберёшься.

– Роксэйн, разве ты можешь просто бросить всё и поехать с нами? – Я решила прервать обмен любезностями. – У тебя же своя жизнь. Друзья. Родители. Работа.

Баньши только плечами пожала:

– С родителями я давно не живу. Друзья привыкли, что я то и дело срываюсь в другой город ненадолго – по работе или просто по настроению. Если напишу, что уехала на несколько дней, никто не удивится.

– Ты даже вещи никакие не взяла!

– Зачем нужны вещи, когда есть кредитка? А отец, к счастью, никогда не спрашивает, на что я трачу деньги с его счёта. Одно из немногих хороших дел, что он для меня делает.

...кажется, в нашей компании прибавилось не-совсем-людей, у которых проблемы с отцом.

– Честно скажу, – помолчав, вымолвила я, когда за окном, постепенно набирая темп, вновь замелькали дома и де-

ревья, — я буду рада, если мы с братом окажемся не одни. Не останемся наедине с этим дерьмом.

— Мы с тобой вдвоём, Лайз. Это уже не «наедине».

— Но помощь со стороны нам пригодится, Эш. Особенно помощь кого-то постарше. Особенно учитывая, что мне хотелось бы знать, кто повинен в наших бедах, и нам придётся вести расследование, а у журналистов в таком опыта побольше, чем у нас с тобой. — Я посмотрела на баньши, ответившую мне едва заметной улыбкой. — Так что, если у тебя не было других планов... и если ты не боишься...

— Я как раз в отпуске, — безмятежно откликнулась та. — И нет, не боюсь. Всегда мечтала распутать подобное дельце, даже если написать об этом не смогу.

Эш только вздохнул стоически.

— Ладно, выкинуть её никогда не поздно, — буркнул брат, по указанию навигатора в графоне сворачивая налево. — Где-нибудь на трассе. Если ещё скорость побольше развить...

Я потрепала его по макушке. Подняла глаза, перехватив в зеркальце взгляд Роксэйн — баньши свойски мне подмигнула. Думает, шутка? Ха. Она просто не знает Эша.

К счастью, иногда слова моего брата всё-таки расходятся с делом. Особенно если я об этом прошу.

* * *

Для ночлега притормозили мы ближе к полуночи.

Проехав по мосту через реку, Эш свернул с трассы на небольшую дорожку, уходящую влево, к скопищу огней на горизонте; судя по указателю, там располагалась какая-то деревушка. Припарковав машину на обочине, мы вылезли из мобилия – все трое. Лицо пощекотала водная прохлада: дорога к деревне вилась вдоль пологого берега реки. Прямо перед нами раскинулась ивовая рощица, и между тёмными стволами видно было далёкую воду, отблескивавшую лунным серебром.

– Здесь и остановимся, – констатировал Эш. – Мне нужно поспать.

Я кивнула:

– А мне – разобраться с графонами и амулетами.

По шоссе мы гнали, не превышая скорости, но исправно обгоняя другие мобили, в отличие от нас никуда не торопившиеся. Не считая пары недолгих торможений в безлюдных местах по нужде, мы не останавливались – даже для того, чтобы перекусить. Обошлись крекерами и газировкой, завалявшимися в бардачке с прошлой поездки на озеро; после случившегося в отеле кусок в горло не лез – и было немного боязно заезжать куда-либо.

– Может, и с ней всё-таки разберёмся? – Брат бесцеремонно ткнул пальцем в Роксэйн. – Был бы рад подкинуть её до той деревушки на горизонте и наконец распрощаться, да глаза совсем слипаются. Пешком дотуда, конечно, не близко, но баныши и не ходят, так что об усталых ногах ей беспоко-

иться не стоит.

– Эш, хватит.

Брат мог ершиться сколько угодно, но по моему тону всегда понимал, когда приближался к опасной черте – и когда убеждать его непутёвую сестру в чём-либо всё равно бесполезно. Вот и теперь, одарив меня тяжёлым взглядом, Эш молча побрёл обратно в мобиль, чтобы загнать его поближе к деревьям.

– А почему машину ведёт он, а не ты? – закурив, расцветившая ночь голубым огоньком своей сигареты, поинтересовалась Роксэйн. – У него же нет прав, верно?

В глаза ударил яркий свет фар: Эш съехал с обочины и, давя колёсами густую траву, стал парковаться рядом с толстым стволом одной из ив.

– Естественно, нет. Какие могут быть права у двенадцатилетки? Зато у меня есть – получила сразу после того, как семнадцать исполнилось. Только вожу я, в отличие от него, неважно, поэтому мы затонировали окна, а в местах, где могут быть камеры, делаем вид, что за рулём я.

– Отсюда ваши махинации с переменной мест?

– Ага. Изображаем, что я сажусь за руль. Или вылезаю из-за него. Эш и маму так иногда подменял, если куда-то ехали. Хорошо ещё, что мы низенькие, а он долговязый: даже колдовать с высотой сиденья не приходится.

– Такой серьёзный. – Баньши отняла сигарету от улыбающихся губ. – Если б не его лицо, в жизни не сказала бы, что

ему двенадцать.

– Знала бы ты, сколько раз мы с мамой слышали это от его учителей, – хмыкнула я. – Он в будущем году уже школу заканчивает. Экстерном. Юный гений, что с него взять.

Роксэйн уважительно присвистнула, кончиком сигареты очертив в воздухе светящийся вензель.

– И в кого он у тебя такой уродился?

– В прадеда по материнской линии, полагаю. – Я не стала вдаваться в подробности. Роксэйн ещё в отеле, услышав нашу фамилию, к моему облегчению не задала сакральный вопрос «*те самые Форбидены?*», от которого я с момента выхода сериала о Гэбриэле Форбидене успела уже устать; у меня самой же не было никакого желания рассказывать пространную историю нашего рода. – Или в предков-сидов. Те тоже могли выглядеть детьми, а на деле жить уже сотню лет. – Я наблюдала, как струящиеся ветви закрывают собой затемнённое лобовое стекло. – Эш просто с ранних лет решил, что, раз он единственный мужчина в доме, то обязан заменить нам с мамой главу семьи. Вот и ускакал психологически куда-то в район двадцати... по меньшей мере.

– Славный он. И смешной.

– Только ему этого не говори. А то тебе сразу станет совсем не смешно.

Когда Эш вылез из мобиля и подошёл к нам, лицо его было хмурым, как осеннее небо, затемнённое сумерками и холодным ливнем.

– Я – спать. – Брат протянул мне пакет с амулетами. – Мой графон тоже там. Я лягу сзади, фары сейчас притушу, чтобы внимания не привлекать. Если не сможешь заснуть на переднем сиденье, буди меня, поменяемся. – Он злорадно оглянулся на Роксэйн. – А кое-кому придётся спать сидя.

– Мы вообще не спим, – сообщила баньши хладнокровно. – Чудно.

В мобиль Эш вернулся, выразительно хлопнув дверцей. Сквозь наглухо тонированные стёкла я не видела, что происходит в салоне, но спустя какое-то время фары потухли: вокруг сразу воцарилась тьма, которую не рассеивало даже ясное лунное небо.

– Иди в мобиль, Роксэйн. – Я развернула руку ладонью вверх. Одновременно с печатью, проявившейся на коже, над пальцами вспыхнул ровный шарик белого пламени. – Если что, не обращай на Эша внимания. Побурчит и успокоится.

– А ты?

– Мне нужно кое-что сделать. Для нашей безопасности. – Взмыв с моей ладони, шарик завис над плечом, чуть позади, чтобы не слепить. – Одной.

Щурясь на яркий свет, Роксэйн выдохнула вишнёвый дым, прежде чем выключить сигарету и спрятать в сумочку.

– Будь осторожна, ладно? – отвернувшись, бросила баньши через плечо.

Я смотрела, как она устраивается на переднем сиденье – казалось, баньши не села в мобиль, а втекла, проникла, как

воздушный поток. Когда дверца за ней закрылась, развернулась и направилась к реке.

Кажется, нам попалась удачная спутница. Неприхотлива, бесстрашна, да ещё лишних вопросов не задаёт.

Впрочем, должно же нам взять хоть в чём-то.

Воды текли по широкому руслу тихо, почти неслышно; на другом берегу неторопливо крутили огромные лопасти генераторы ветряной электростанции. Над моей головой закружилась мошкара, привлечённая светом волшебного огонька, норовя залезть в рот, но я очертила ногой широкий круг на влажной траве и произнесла заклятие, уже отскакивавшее от зубов. Мгновенное дуновение прохладного воздуха развеяло надоедливых насекомых без следа, и они обиженно забились о края окружившего меня невидимого купола.

Такие трюки я уже осуществляла без труда. Жаль только, этот защитный контур не остановит никого, кроме мошек.

Глядя на воду, отражавшую сизое небо, и лунную дорожку, расплывавшуюся по волнам ломким серебром, я положила бумажный пакет у своих ног. Сперва нужно уничтожить оба графона: у каждого устройства есть персональный код, по которому его можно отследить в случае пропажи, и по нему же стража без труда обнаружит нас. Следом стоит заняться амулетами для иллюзий... но это всё потом.

А сейчас...

– Покажись, – выпрямившись, произнесла я. – Я знаю, ты рядом.

В тишине звучало лишь назойливое жужжание крохотных крылышек.

— Я вспомнила... сиды ведь умеют принимать призрачную форму. Невидимую, неслышную, неосязаемую. Потому ты и появляешься всё время в нужный момент. Ты просто не отходишь от меня. — Я оглянулась через плечо, чтобы не пропустить миг, когда наш хранитель появится вновь. — Почему ты прячешься?

— Я не прячусь, — тихий голос снова послышался там, куда я не смотрела. — Просто не хочу лишний раз попадаться тебе на глаза.

— Не хочешь? — Я повернула голову, досадуя, что не увидела, как его фигура проявляется из воздуха. — Почему?

— В этом нет нужды. — Сид стоял в двух шагах от меня, у самой границы барьера, за которой мошकारа отчаянно пыталась разбиться о недостижимый свет. — Я должен лишь оберегать тебя в моменты опасности, не более, не менее.

— Зачем? Какое тебе дело до меня и до моей жизни? Кто ты? Ответь, пожалуйста!

По белой тунике фэйри вилась тонкая вязь красной шёлковой вышивки в виде осенних листьев; вчера мне казалось, что его одежды светятся на солнце, но во тьме их лёгкое мерцание, призрачное, как у синего фосфора или иных грибов, виднелось лишь отчётливее. Босые ступни тонут в тёмной траве, лицо белокожее, молодое — и взрослое до того, что, казалось, вот сейчас он повернёт голову, и сквозь маску юно-

сти проступит лик старика. В глазах – тёмная глубина и свет закатного солнца, зимний лёд и тёплые талые воды... печать иного мира.

Он выглядел мальчишкой немногим старше меня, но ему с равным успехом могло быть как двадцать, так и сто двадцать.

– Положим, я давний знакомый твоей матери, и у меня свои счёты с той тварью, что тебя преследует. – Слова бросил равнодушно и почти холодно. – Имя моё тебе ни к чему.

– И как же вы с мамой познакомились?

– Она помогла мне с одним важным делом. Ещё прежде, чем вы перебрались в Мойлейц.

– И всё? И теперь вместо того, чтобы припеваючи жить на Эмайне, ты в благодарность спасаешь её детей от этого чёрного чудища?

Его лицо осталось непроницаемым. Забавно... Прежде при каждой нашей встрече меня захлёстывал страх, но теперь, когда бояться было нечего, я ощущала нечто куда более странное: тёплое чувство долгожданного свидания с кем-то, кого знаешь давным-давно. Раздражающее желание заставить его улыбнуться – или просто ткнуться лбом в его плечо, словно перед тобой старый друг, в чьих объятиях ты привыкла находить утешение. Хвалёное очарование сидов?.. И ведь даже врождённую магическую защиту пробивает: никак не получается ни распознать чужеродную магию, ни поставить блок...

Тому пареньку из лавки такому учиться и учиться.

– Ладно. – Не дождавшись ответа, я скрестила руки на груди. – Спрошу прямо: ты не имеешь никакого отношения к моему отцу?

– Нет. Я с ним не знаком. Эмайн Аблах не столь тесен, как ты думаешь, и с твоей матерью нас связывает лишь общее дело.

Хоть это радует. Быть обязанной засранцу, бросившему нас с Эшем, или его приятелям мне хотелось меньше всего на свете.

– И что это за дело?

– Не суть важно.

– Мама зачаровала для тебя какой-нибудь артефакт?

– Быть может.

– Скажи хотя бы, что это за чёрная тварь! Она правда связана с Ликорисом?

– О чём-о чём, а о нём вам точно думать не стоит.

– Но этот монстр ведь порождение Дикой Охоты, верно?

– Это знание тебе ни к чему.

Ощущение, что я разговариваю с кирпичной стеной, заставило пальцы раздражённо впиться в предплечья.

– Считаешь, мне не нужно знать, кто... или что... хочет меня убить?

– Тебе не нужно знать ничего, кроме того, что тварь эта смертельно опасна. С ней бесполезно бороться, можно только бежать.

– Куда бежать? В Фарге? Там она оставит меня в покое? Но чем Фарге принципиально отличается от всех остальных городов Харлера?

Сид чуть повернул голову, глядя куда-то за моё плечо, – и, прежде чем исчезнуть, коротко велел:

– Оставайся здесь.

Я воззрилась на место, где только что серебрились его волосы, а теперь метались мошки – тёмными крапинками на серости, рождённой слиянием ночи и колдовского света. Оглянулась, пытаюсь разглядеть во тьме сида – или хотя бы то, что вызвало его интерес.

– И почему мне попался такой невыносимый спаситель, – ничего не увидев, пробормотала я, жалуясь неведомо кому.

Странно: мама ни словом не обмолвилась о том, что когда-либо вела дела с сидами. Может, не хотела расстраивать меня, зная о моём отношении к отцу?.. Сама она непостижимым мне образом на него не обижалась: говорила, ей подарили чудесных детей и несколько лет сказки, что неспособен дать ни один человек. Хотя сравнивать ей было не с чем – отец стал её первым и единственным возлюбленным.

Познав любовь фейри с Эмайн Аблаха, ты уже не будешь смотреть на смертных.

Я опустила взгляд на бумажный пакет у ног, скрывавший мой графон.

Я могла достать его и позвонить маме. Прямо сейчас. Хотя бы попробовать. Проверить, возьмёт она трубку или нет.

...а если нет?..

Сзади послышался странный шум. Следом – сдавленный стон. Обернувшись, я невольно попятилась ближе к воде: на траве крючился некто в джинсах и чёрной футболке, пока нависший над ним сид отряхивал руки.

– Он подкрадывался к тебе, – бесстрастно сообщил мой хранитель. – Видимо, преследовал вас от самого Мулена. Кажется, ты его знаешь.

– Не то что... кха... – Лежавший закашлялся. С трудом поднял голову, прижимая руки к животу, явно недавно встретившему чужой кулак. – Не то чтобы знает, но видела.

– *Ты?* – Потрясённый выдох сорвался с моих губ почти стоном. – А ты что здесь забыл?

Под пристальным взглядом сида пришелец кое-как поднялся на одно колено. Склонил голову, словно присягающий рыцарь.

– Я узрел даму в беде, – серьёзно проговорил знакомый продавец из лавки камней, – и не смог остаться равнодушным. – И поднял лукавый мятный взгляд на моё лицо. – К слову, меня зовут Питер.

Когда-то

Солнце золотит верхушки деревьев, зелёным оазисом примостившихся посреди города. Над ними – сияющее стекло небоскрёбов, греющихся вдаль, под ними – шелест фон-

танов, воркование влюблённых, радостная беготня и весёлый шум: от детского смеха в парке весело и шумно почти всегда.

По одной из аллей идёт сид в сопровождении девчонки в кедах, джинсах и футболке – странная, неуместная пара. Прохожие то и дело оглядываются на них, застывают, задумываются о чём-то; затем трясут головами, словно псы, вылезшие из воды, и продолжают путь – чуть более растерянные, чем прежде.

– Ты же магией это делаешь, верно? – едва слышно спрашивает девушка, когда очередной встречный замирает, оловелыми глазами глядя им вслед. – Заставляешь их не обращать на тебя внимания?

– Одни принимают меня за полукровку, – отвечает её спутник. – Других нетрудно убедить, что я им неинтересен.

Ради прогулки сид облачил ноги в лёгкие замшевые туфли, но облик Коула всё равно кричит о его нездешности. Запахи леса, гор и мха шлейфом струятся за его спиной, перебивая ароматы города и сладостей, ждущих покупателей в передвижных ларьках; асфальт под его ступнями смотрится так же неуместно и почти дико, как если бы оба они босыми шли по стеклу.

– Лучше бы в призрачной форме рядом шёл.

– Лишь в телесной оболочке чувствуешь себя живым в полной мере.

Девушка молчит. Только ни в чём не повинный камушек,

подвернувшийся под ноги, досадливо отлетает от мыска её кеда.

– Ваши музеи великолепны, – говорит Коул с улыбкой, солнечным зайчиком скользящей по его губам, – хоть мне и жаль те вещи, что вы скрываете за стеклом. Вещами должно пользоваться, не любоваться на них.

– Обычно мы так и делаем, но тогда они быстро выходят из строя. – Девушка разъясняет это устало, но не с той усталостью, что в любую минуту грозит перерасти в раздражение. – Если не сберечь хотя бы по одному экземпляру этих вещей в сохранности, мы не будем знать, чем пользовались наши предки для того или иного...

– Вещи тоже жаждут чувствовать себя живыми. По меньшей мере нужными. В пребывании за стеклом жизни нет. А ваши картины... Скажите, вы не находите это жутким: любоваться на застывшее изображение вместо настоящих вещей? На неживые лица давно умерших людей?

– Какие-то вещи к нашему времени как раз и сохранились лишь на картинах. Эти люди, как ты сам сказал, давно умерли, а картины – память о них. Музеи – дань памяти, дань уважения и любви к прошлому. Разве это плохо, хранить память о чём-то?

– Мы храним живую память. Всё, что мы видели, живёт в наших мыслях. Всё, что отжило свой век, лучше отпускать с миром. Если вещь сломалась, от неё избавляются. Родитель всегда может рассказать своим детям то, о чём помнит сам.

– Вот только вы бессмертны, в отличие от нас. Думаю, в вашем мире очень мало вещей, которых старейшие из вас не видели лично.

Коул оглядывается – будто в поисках ответа. Неподалёку вокруг качелей и горок бегают дети, на лавках болтают счастливые пары и благостно щурятся на солнце старики; сид смотрит ещё дальше, и в его глазах росой блестит удивление.

– Это кони?

Проследив за его взглядом, девушка улыбается:

– Почти. Деревянные. И ездят только по кругу.

– Всё лучше, чем ваши железные повозки. Сопроводите меня к ним?

Она хмыкает. Первой направляется к карусели – круг с резными фигурками лошадей, украшенный пёстрой росписью, медленно вращается вокруг своей оси. Карусельщик скучает в будке: сейчас на аттракционе смеются несколько детей, но очереди из желающих поучаствовать в следующей поездке не видно. При появлении странных клиентов парень устремляет на Коула изумлённый взгляд, но пару секунд спустя изумление на его лице снова сменяет скука, и карту у девушки он принимает, не задавая вопросов.

Минутой позже сид и его спутница уже поднимаются на круг, занимая ближайшую пару лошадок: белых, в красных пополах, с умильными нарисованными мордочками. Что-то щёлкает, воздух наполняют перезвоны механической мелодии, словно кто-то открыл музыкальную шкатулку, и кару-

сель делает первый оборот.

Коул сидит, глядя перед собой. Его лицо задумчиво, его взгляд – за грань настоящего, его мысли – не здесь. Девушка украдкой рассматривает его из-под длинной косой чёлки – и тоже молчит, и какое-то время металлическую музыку разбавляет лишь далёкий гул чужих голосов да шёпот воды, льющейся между каскадами далёкого фонтана.

– Сколько тебе лет, Коул? – спрашивает она наконец.

Сид встречает её взгляд, но не торопится с ответом.

– Ты же действительно молод, так? Я сперва думала... по вам же не поймёшь, и я думала, что мы только выглядим почти ровесниками. Но ты и правда немногим старше меня. Верно?

– Трудно сказать. Я вполне мог родиться, ещё когда под этим небом ходил ваш далёкий предок. – Он говорит так, будто размышляет вслух над загадкой, ключ к которой ему и самому хотелось бы найти. – Наше время течёт не так, как в Харлере. У нас нет поворотов Колеса, и природа не умирает, отсчитывая полный круг. Мы не считаем прожитые годы, ведь в этом нет нужды. Но да, по нашим меркам я мальчишка... по вашим, наверное, тоже.

Она кивает – едва заметно, но с таким удовлетворением, будто её наконец отпустило то, что терзало уже давно.

– Мы бессмертны, но это не единственное, отчего нам нет нужды в музеях, – произносит сид, словно они всё это время говорили на тему, начатую ещё на аллее. – Наш мир не ме-

няется. Не так, как ваш. Я узрел сегодня, какими разными были людские города в прошлом столетии и в этом. Технологии... всё дело, верно, в них? Или в вас? – Он смотрит на собеседницу столь пристально, словно подсказка скрыта в её лице. – Жизни ваши коротки, и вы не можете тратить время на такие мелочи, как ткать себе одежду, греть воду, разводить огонь в очагах... охотиться на дичь, а не получать её готовой. Чтобы не расходовать минуты и часы попусту, вам приходится неустанно двигаться вперёд, изобретая машины, что сделают ваше существование проще.

– А вы всё делаете руками? Даже знать?

– У нас нет знати и бедняков. Главный наш слуга – магия. И духи – саламандры, ундины и сильфы, что похожи на мерцающие тени, отражённые в воде. Но даже Благая Королева не считает зазорным ткать рубашки своему королю и обращать мягкую паутину в шёлк своих платьев. Прислуживать ей за столом или приготовить её обед для любого из её свиты – не обязанность, но величайшая честь. Нам достаточно спеть дереву, чтобы оно загорелось, и попросить воду, чтобы она стала тёплой. Но в вашем мире такое, должно быть, всё равно бы не вышло... в нём работает лишь ваша магия.

– Почему?

– Железо. Вы окружили себя железом.

– Но у нас очень мало железа. И чугуна, и стали... по крайней мере, там, где их можно коснуться. Я думала, вам только они вредят. – В её лице расцветает смущение, словно девуш-

ке неудобно, что родной мир, в отличие от неё, не столь радушен к гостю из Дивной Страны. – Мы стараемся использовать медь, алюминий, свинец... Низших фейри железо ведь тоже обжигает, а они здесь повсюду. Не будешь же делать всё только для людей.

– Железо жжёт нас огнём, это верно. Но дело не в том. Для нас весь мир звучит, поёт, как музыка, и у каждой стихии – своя песня. Достаточно подхватить её мотив, и она подчинится тебе. Такова наша магия... *истинная* магия. Лишь железо молчит, и даже примесь его, невидимая глазу, обрывает чужую песню. Его бесполезно просить о чём-либо: оно безжалостно и глухо, а потому мир ваш – как та музыка, которая звучит сейчас, и петь в нём тщетно. – Он кивает наверх, будто над их головами или у крыши, разрисованной под облачное небо, можно увидеть механические ноты, звонким металлом разливающиеся в воздухе. – Впрочем, ни люди, ни низшие фейри истинной магией не владеют, и нет ничего удивительного в том, что вы предпочли железо и технологии.

Девушка сидит, держась ладонями за медный столб, колышущий лошадку под ней вверх и вниз. Она смотрит на профиль сида, тонкий, словно карандашный росчерк; мир за его лицом плывёт, размываясь в дымке жары и головокружения.

– Станный он, ваш мир... Чужой, непривычный, неудобный. Не для нас. Но его жители... вы, люди... вы меня восхитили. И мир ваш удивителен, как вы сами. – Когда Ко-

ул вновь поворачивает голову к своей спутнице, в его взгляде светится неотражённое солнце. – Вы такие хрупкие. Ваш век так недолог. Вы летите от рождения до смерти падающими звёздами, но за свою короткую жизнь свершаете столько, сколько иные фейри и представить не могут, и прокладываете дорогу к иному, собственному бессмертию. Память предков, что вы бережёте, творения, что вы оставляете после себя, знания, что вы передаёте из поколения в поколение... Это живёт в вас, таким образом не умирая. Может, потому люди, которые наведывались на Эмайн Аблах, и возвращались порой в Харлер много позже? Мы застыли в вечном безвременье, а вы... Время здесь никогда не стоит на месте – оно без устали идёт вперёд вместе с вами.

Она невесело улыбается – одновременно с тем, как стихает музыка и карусель тормозит, заходя на последний круг.

– Забавно. Всегда думала, что сиды считают нас ничтожествами.

– Если б кто-то из моих сородичей назвал вас ничтожеством, он поплатился бы за это так дорого, что до конца вечности едва ли осмелился бы сказать о смертных дурное.

Её улыбка переходит в усмешку.

– Странное чувство, – говорит она. – Ты всего три дня как мне на голову свалился. Мы с тобой из абсолютно разных миров. Но иногда мне кажется, что я тебя всю жизнь знаю. Будто ты – старый друг, с которым мы ещё в одной песочнице играли. Вот видишь... я даже говорю тебе это, хотя должна,

по идее, свои мысли держать при себе. И с чего вдруг?

Сид отвечает ей одним лишь долгим взглядом, и пару секунд они смотрят друг на друга, не замечая, что мир вокруг уже перестал кружиться.

Затем, подчиняясь окрику карусельщика, девушка встряхивает головой – и соскакивает со своей лошадки, оставляя Коула смотреть ей в спину.

– Та истинная магия, о которой ты говорил, – произносит она, когда сид нагоняет её на центральной аллее парка, тянущейся под деревьями к площади впереди, где пенятся и искрятся на свету воды фонтана, – звучит интересно. Жаль, что нельзя посмотреть.

– Отчего же нельзя? Нужно только место подальше от города. Подобное тому лесу, где я встретил вас.

– Правда? Тогда можешь... однажды... показать мне что-нибудь? Хотя бы безобидный фокус?

– Когда придёт время, буду к вашим услугам.

– А когда оно придёт, видимо, ты решишь сам?

Коул ничего не говорит. Лишь улыбка его в который раз отвечает ей без слов. И пока они идут по широкой аллее, поросшей дубами и буками, мимо прохожих, старательно глядящих сквозь них, даже слух фейри едва смог бы разобрать досадливое девичье бормотание:

– И почему мне попался такой невыносимый гость...

Нынешнее время

Продавец камней смотрел на меня снизу вверх, стоя на одном колене в летней ночи, но я только хмурилась.

Ни красивые жесты, ни красивые слова о даме в беде не могли купить моё доверие. Тем более сейчас.

– И как ты нашёл нас здесь, *Питер*?

Тон мой сочился таким же скепсисом, какой я привыкла слышать от Эша.

– Воспользовался обеденным перерывом и проследил за тобой до гостиницы. – Значит, мне не чудилось!.. – Потом вернулся, дождался конца рабочего дня... к счастью, мы рано закрываемся, а то не успел бы... запер магазин, решил снова прогуляться до твоего отеля и увидел, как вы садитесь в мобиль. Я сел в другой и поехал за вами. Вот и весь сказ.

– Ты же пешком шёл до отеля, – заметив несостыковку, цепко уточнила я. – Откуда тогда мобиль?

– От одного милого человека, который как раз парковался неподалёку от «Мельницы». – Парень отвечал на мои вопросы так охотно, точно для него не было в этой жизни большего удовольствия. – Он согласился мне его одолжить. Сейчас его металлический конь ждёт меня на шоссе.

– *Одолжить?* А ты случаем не с помощью эмпатии об этом просил?

Питер пожал плечами с восхитительной невозмутимо-

стью.

– Если откажешься взять меня с собой, поеду обратно в Мойлейц и верну мобиль туда же, откуда взял. Если нет – брошу его здесь. Он подключён к сети, его быстро отслежат и найдут. Владелец ближайшую неделю будет любить меня, как родного сына... правда, на всякий случай я излагал просьбу со спины и не показывал ему своего лица... так что, полагаю, он окажется не в обиде.

– Ты угнал мобиль?!

– Не угнал, а одолжил, говорю же. Я ведь не собираюсь оставлять его себе или продавать – просто у меня не осталось времени бежать до дома за собственным. Тебе нужна была помощь.

– Мне? И что же навело тебя на эту мысль?

Если б не сид, стоявший рядом немой стражем, я бы вряд ли решила на подобный допрос. Скорее бы уже вырубила пришельца и неслась к Французику, чтобы будить Эша и сматываться.

Но в его присутствии мне едва ли стоило бояться одного безоружного парнишку.

– Не обижайся, но вид у тебя, как у типичной девочки в беде. Бледная, решительная, пришла одна, с полным кошельком наличных... да ещё купила амулеты для иллюзий, а такие штуки просто для красоты не носят. И кости... Тут даже эмпатии не нужно. Но то, что я успел считать, мне не понравилось.

– Не этот ли самый полный кошелёк тебя заинтересовал? – спросил сид бесстрастно.

Взгляд, которым Питер одарил моего хранителя, был далёким от дружелюбия:

– Ты у нас, видимо, с Эмайна явился? Так вот, гость из Дивной Страны, ты ничего не знаешь о людях. А обо мне тем более.

– Одно я знаю точно: людям редко свойственен... альтруизм? Кажется, вы так это называете?

– Это не альтруизм. Скорее искупление. – Зелёные глаза, в свете волшебного фонарика искрившиеся почти так же ярко, как камни, которыми торговал их обладатель, вдруг опустились. – Просто... однажды ко мне в лавку уже заходила такая же девочка. Этот вид... как будто за спиной горят все мосты, которые могут сгореть, а ты из последних сил держишься, чтобы не обернуться. И эмоции... я же эмпат, я их чувствую. Боль. Отчаяние. Ровно то же, что у тебя. Она тоже покупала амулеты и карты для самозащиты. Я понял, что ей нужна помощь, но промолчал, и она ушла. – Когда Питер вновь поднял взгляд на моё лицо, всё лукавство из него исчезло безвозвратно. – Через месяц я прочитал в новостях, что стража нашла её обезображенный труп.

В его голосе даже сейчас без труда читалась вина – и меня передёрнуло неловким, пугающим ощущением, какое порой чувствуешь, когда смотришь на чужую рану.

Ладно, *это* многое объясняло.

– И ты до сих пор переживаешь из-за гибели той, кого даже не знал? – не смилостивившись, произнёс сид.

– Какая разница, знал или не знал? Мы так часто проходим мимо незнакомцев, которые нуждаются в помощи, просто потому, что не хотим лезть не в своё дело. Или не хотим, чтобы их проблемы стали нашими проблемами. Они скрываются из виду, мы мгновенно их забываем, и если б я забыл ту девчонку, сейчас я лежал бы в кровати у себя дома и видел десятый сон. Но я не забыл. – Питер посмотрел на моего хранителя так дерзко, будто из них двоих не он стоял на коленях, джинсами собирая росу с густой травы. – И тебя вряд ли забуду. – Когда он снова встретился со мной взглядом, в мятных глазах светилась обезоруживающая открытость. – Я не хочу увидеть новость про ещё один знакомый труп, которого могло бы не быть, если б я помог.

– Почему ты ничего мне не сказал? Ещё там, в лавке? – вымолвила я. – Почему преследовал меня тайком?

– Если бы я спросил, нужна ли тебе помощь, ты бы наверняка ответила «нет» и добавила бы, что у тебя всё прекрасно. Скажешь, неправ?

Я отозвалась молчанием, которое в данном случае абсолютно верно истолковывалось знаком согласия.

Скорее всего, мне бы очень захотелось ответить «да». Только я бы не осмелилась.

– Я не знаю, что или кто тебе угрожает, – продолжил он, – но тебе нужна защита. Если я смогу помочь тебе своим да-

ром вместо того, чтобы растрачивать его на охмурение клиентов, я буду рад. И готов защищать тебя, пока ты не окажешься в безопасности.

– Чтобы нагнать Лайзу, тебе пришлось преодолеть немало трудностей. И предстоит ещё больше, если она соблаговолит избрать тебя своим спутником, – невыразительно заметил сид. Что верно, то верно: даже если забыть о чёрной твари, Питер сорвался за мной с одной лишь маленькой кожаной борсеткой – возможности заглянуть домой за вещами ему, как и Рок, не предоставили. – Люди, о которых я ничего не знаю, всегда готовы пойти на такое ради спасения незнакомых дев?

– Тебя бы поедом совесть ела последние пару лет, может, ты бы меня и понял.

Сид лишь моргнул: длинные ресницы блеснули в лунном свете крыльями серебристых мотыльков.

– Тебе решать, Лайза, – сказал он, глядя мимо моего лица.

Слышать своё имя из его уст было странно – словно зов кого-то родного. Близкого. Знакомого тебе всю жизнь, и даже не одну.

Треклятая магия сидов...

– Значит, хочешь меня защитить? – когда я перевела взгляд на Питера, тот смиренно ждал вердикта. – Не зная, куда я направляюсь и что за опасность мне грозит?

– Вряд ли она опаснее той, что способна превратить юную симпатичную девушку в обезображенный труп, – кри-

во улыбнулся он.

– Но меня уже есть кому защищать. Например, ему. – Я кивком указала на сида, внимавшего диалогу с восхитительным равнодушием. – И брату. И одной баньши, которая сегодня тоже увязалась с нами.

– Я заметил. Видел вашу встречу в парке. Но у той девчонки тоже могли быть спасатели, которые ей не помогли, так что для меня разницы нет. – В его взгляде разливалась почти смертельная серьёзность. – Слушай, это действительно только тебе решать. Я прекрасно понимаю: свалился какой-то странный парень на голову, а у тебя и так горе, и каждой тени боишься... Не отрицай – я всё это чувствую вместе с тобой. Если ты скажешь «нет», я поеду обратно в Мулен, верну мобиль владельцу и завтра утром выйду на работу. Но... возможно, ты подумаешь, что я сумасшедший, но... просто знай: если возьмёшь меня с собой, я лучше умру, чем дам тебя кому-то в обиду. Кто бы там тебя ни преследовал.

Тоже мне, рыцарь нашёлся... Нет, всё же он очень странный.

...или просто удивительный.

– Тебе что, настолько жизнь не дорога?

– Ни родных, ни друзей, ни семьи – чем тут дорожить? Я знаю одно: если помогу тебе, наконец прошу сам себя. А если не помогу... хотя бы попытаюсь. Всё лучше, чем жить, считая себя трусом и тряпкой.

Я смотрела в прозрачную зелень его глаз, встречавшую

мой взгляд подкупающей смелостью.

...да, если подумать, трогательная история с умершей незнакомкой могла оказаться ложью, а менее подозрительным его внимание ко мне от этого не делалось, но было в Питере что-то, отчего ему очень хотелось верить. Даже без внушения: единожды распознав его магию и поставив блок, мне не было нужды его возобновлять. И, в конце концов, сорвалась же Рок с нами лишь из смеси сочувствия и журналистского интереса.

Что я теряю, в самом деле? Даже если он не тот, за кого себя выдаёт, сид всегда рядом, чтобы меня защитить. В противном случае иметь под рукой сильного эмпата совсем неплохо.

Хотя бы на случай, если нас всё-таки нагонит стража.

– Должна предупредить, что мы едем в Фарге... а это, мягко говоря, далеко от Мулена... и за мной охотится одна тварь, которая очень опасна. Нечисть. Порождение Дикой Охоты, – решившись, честно сказала я. – Если тебя это не пугает, добро пожаловать в команду.

Когда Питер поднялся с колен, широкая улыбка светилась на его лице, казалось, ярче моего фонарика:

– Нечисть не так страшна, как люди. Люди умные. – Загорелая ладонь потянулась ко мне, без труда скользнув сквозь прозрачную стену защитного контура. – Рад знакомству, Лайза. Я еду с вами.

Сид неммым поручителем наблюдал, как мы жмём друг

другу руки. Когда чужие пальцы, сухие и тёплые, отпустили мои – прохладные, чуть влажные от волнения, – отступил к ивам.

– Раз вы поладили, я вас оставляю, – резюмировал он без тени эмоций: даже попытка понять, осуждает он или одобряет моё решение, была бессмысленной. – Я буду неподалёку.

Лунная тьма поглотила его ещё быстрее, чем дневной свет в тот день, когда я впервые увидела его на перекрёстке. Вчера, это же было только вчера... Боги, почему у меня ощущение, что я пропалывала кабачки и шла в дом, чтобы услышать от мамы приказ уехать, вот уже месяц назад...

– Сид, чтоб его, – отплёвываясь от мошек, завистливо вздохнул Питер. – Хотел бы и я так перемещаться.

– Иди сюда, в круг. – Я села прямо на траву, скрестив ноги в кедах, словно собралась медитировать. Наконец вытащила из картонного пакета свой графон. – А то пока мы болтали, комары наверняка тобой и так знатно поужинали.

Уговаривать его не потребовалось.

– А ты, похоже, неплохая магичка, – констатировал Питер, изнутри окинув взглядом границы купола, очерченные бьющимися в них мошками.

– Так себе, но совершенствуюсь.

Прежде чем положить графон на траву перед собой, я повертела его в руках. Посмотрела на царапины на алюминиевой трубке и наклепленный на неё стикер – потёртый рисунок длинной стеклянной колбы, внутри которой перелива-

лась горстка серебристых звёзд. Лишь один из той кучи стикеров, что дарила мне Гвен.

Все мои фото, все видео, все документы хранились в облачном сервере. И всё равно я не могла прогнать ощущение, что вместе с гаджетом я уничтожу часть своей жизни. Той, в которой у меня ещё был дом. Подруга. Мать.

Мама в порядке, напомнила я себе, глубоким вдохом приглушая волну боли и страха, всплеснувшуюся где-то в животе. И, если уж на то пошло, ты не можешь быть уверена, что Гвен с родителями мертвы.

Если сид вытащил из дома маму, кто мешал ему проделать тот же трюк с Хайлинами? Кто мешал твари, явно наделявшей жертв сопротивлением к магии, заставить их прорваться сквозь Печать и покинуть дом до взрыва?..

– Как же ты бросишь работу? – спросила я, наконец опустив графон на землю.

– Легко. Я в этой лавке всё равно на испытательном сроке, полтора месяца отмотал на прошлой неделе. Как раз зарплату получил. – Питер сел рядом: не так близко, чтобы заставить меня отодвинуться, но и не так далеко, чтобы его достала мошकारа. – Думаю, хозяин даже не удивится.

– Но, уверена, огорчится. Подозреваю, с твоим появлением продажи в его лавочке подросли. – Я уже чувствовала энергетические потоки, разлитые в воздухе: они текли сквозь мои пальцы и расправленные ладони, нависшие над графоном. Когда гаджет окутало сияние белее и пронзитель-

нее, чем свет, собравшийся в шарик над моим плечом, сощурилась. – У тебя и правда никого нет? Ни семьи, ни друзей?

Мне не было нужды всерьёз контролировать потоки силы, которые я вливала в графон. В заклинаниях – тоже.

Разрушать всегда легче, чем создавать.

– Мать погибла, когда мне было пять. Отец умер тремя годами позже. Меня воспитывала бабка, но её не стало несколько лет назад. В Мулен я переехал недавно, так что друзьями обзавестись не успел. Во всяком случае, такими, которые стали бы обо мне беспокоиться.

Наблюдая, как светящееся марево гаснет, будто впитываясь в графон, я сжала пальцы в кулаки.

Молодец, Лайза. Тактичность уровня «бог».

– Извини, – сказала я – как могла мягко. – Не хотела давать на больное.

– В твоей ситуации вопрос естественный. – Питер только плечами пожал. – Я понимаю, что это кажется странным – с моими-то талантами... и внешностью. И скромностью. Но это правда: мне нечего терять. Потому я и сорвался вот так за тобой.

Алюминиевая трубка пошла мелкими трещинами. Секундой позже гаджет распался на кусочки, рассыпав по земле чипы, осколки аккумулятора и материнской платы; следом всё это обратилось серой пылью, затерявшейся в густой траве.

– И не жалко?

– Жалко. Но мы лучше купим новые. – Я вытащила из бумажного пакета графон Эша. – По этим нас с братом будет искать стража.

Жалко было. Ещё как. И совсем не из-за денег. Да только Эш прав.

Лучше думать, что мама при всём желании не может нам позвонить, чем ждать её звонка – и не дожидаться.

– У вас и со стражей проблемы?

Судя по насмешливой улыбке, новость вызвала у Питера скорее веселье, чем страх.

– Пока нет. Но, я подозреваю, будут.

– Потрясающе. Может, заодно расскажешь, зачем вам в Фарге и что за тварь вас преследует?

Я вновь расправила ладони – уже над другим графоном, – готовясь второй раз за день завести свою нерадостную повесть:

– Как бы тебе сказать...

* * *

Когда слова – про маму, Гвен, мобиль и Ликориса – закончились, оба графона уже были пылью, смешавшейся с землёй, а в пакете лежали три готовых амулета. Пока я зачаровывала их, рассказ пришлось прервать, но Питер не проявлял нетерпения: просто сидел, наблюдая за движениями моих рук, и колдовской свет светлячками плясал в его зрачках.

Он и слушал так же – не перебивая, не задавая вопросов. Я редко смотрела на него, но когда смотрела, лицо его ничего не выражало; при этом оно не казалось мне равнодушным – просто меня слушали так внимательно, что это внимание вытеснило все эмоции.

Странно, но сейчас рассказ дался легче, чем днём. Мне даже ни разу не захотелось плакать.

– Несладко вам пришлось, – подытожил Питер наконец. – Значит, вы думаете, что во всём виновен Ликорис.

– По крайней мере, других подозреваемых у нас нет.

– Интересно. – Он помолчал, глядя на колдовской огонёк над моим плечом; отражение волшебного пламени распускалось в глубине его глаз диковинными цветами, белыми узорами в зелёном стекле. – Эта тварь... знаешь, по твоему описанию...

– Похожа на Кромешника?

– Именно.

– Мы уже заметили. – Я встряхнула ладони, расслабляя уставшие руки. – Думаю, Кромешник реален. И это фомор, чьё существование ещё официально не подтвердили.

– Если вас преследует фомор, как вам поможет поездка в Фарге?

– Не знаю. Просто... мама просила нас ехать в Фарге. И ничего другого нам всё равно не остаётся.

Под изучающим взглядом Питера я вдруг остро осознала, насколько неуверенно звучат мои собственные слова.

– Но по дороге, если это возможно, мы хотим побольше узнать про этого Ликориса. – Это прозвучало оправданием – и, раздражённо разогнув ноги, я встала. Питер немедленно поднялся следом; кажется, он дёрнулся ко мне, желая помочь, но в последний момент решил, что я предпочту остаться сильной и независимой, и был прав. – Тот, кто спалил наш дом и... в общем, он не должен разгуливать безнаказанным.

– А этот сид, который вас спас... Стало быть, ты понятия не имеешь, кто он?

– Сид с Эмайна, который в прошлом имел какие-то дела с нашей матерью. На этом всё. Он даже прозвище своё не хочет говорить, тот ещё любитель нагнать туману, – мстительно процедила я, зная, что предмет разговора наверняка стоит рядом.

В одном задумчивом «хм» прозвучало всё, что Питер думает по поводу всяких сомнительных фейри из Дивной Страны.

– Ладно, – изрёк он. – Утро вечера мудренее. На ночлег мне устроиться здесь, под ивами, охраняя покой прекрасной дамы?

– Лучше иди в свой *одолженный* мобиль. Мой покой и без тебя есть кому охранять.

– Увы, я у миледи не единственный рыцарь. – Питер развёл руками так, словно видел и в этом свою вину. – Тогда разбудишь меня, как поедете?

– Осмыслию за ночь всё, что ты мне рассказал, и подумаю.

– О горе мне, коли рассказ мой не угодил миледи! Впервые за долгие годы проснулось во мне благородное намерение спасти кого-то от ужасных напастей, но неужели суждено ему так бесславно уснуть обратно?

– Иди уже спать. – Спрятать невольную улыбку стоило мне немалых усилий. – И не играй в куртуазных фейри с Эмайна, мне одного хватает.

Питер шутливо поклонился. Развернулся и направился к ивам, весело и чисто насвистывая квиновскую Don't Stop Me Now: сумасбродный рыцарь в чёрном, уходящий в ночь по велению новоиспечённой госпожи.

– Питер...

Негромкий оклик заставил его обернуться – и помимо мятных глаз на меня взглянули Брайан Мэй, Джон Дикон, Роджер Тейлор и Фредди Меркьюри, высокомерно задиравший голову на его футболке.

– Я тоже рада с тобой познакомиться.

Он лишь улыбнулся, прежде чем продолжить путь.

Я подождала, пока он скроется в темноте. Не торопясь пошла следом, к Французику, притаившемуся среди плачущих ветвей; перед тем как открыть дверцу, шепнула «эмин», и огонёк над моим плечом погас. Эш безмятежно спал на тканевом диванчике заднего сиденья, Роксэйн устроилась на переднем, листая ленту Твиттера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.